

18+ АДАКИ ЖИЗНИ

ГОРНЕВ ДЕНИС

Денис Горнев

Закладки жизни

«Издательские решения»

Горнев Д.

Закладки жизни / Д. Горнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530469-8

Начинающий врач сталкивается с пациенткой, находящейся в глубокой коме. Для того чтобы ей помочь, ему приходится погрузиться в глубины ее сознания, постичь некоторые тайны мироздания. О его способности проникать в мысли человека стает известно первым лицам, и его начинают использовать сильные мира сего. К чему приведет возможность проникать людям в их память? К чему приводят игры в богов? В чем смысл человеческой жизни?

ISBN 978-5-00-530469-8

© Горнев Д.
© Издательские решения

Закладки жизни

Денис Горнев

© Денис Горнев, 2020

ISBN 978-5-0053-0469-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Annotation

Начинающий врач сталкивается с пациенткой, находящейся в глубокой коме. Для того чтобы ей помочь ему приходится погрузиться в глубины ее сознания, постичь некоторые тайны мироздания. О его способности проникать в мысли человека стает известно первым лицам и его начинают использовать сильные мира сего. К чему приведет возможность проникать людям в их память? К чему приводят игры в богов? В чем смысл человеческой жизни?

Закладки жизни
Пролог

Странным образом устроена память человека. Если провести аналогию человеческой памяти с компьютерной, то с одной стороны сохраняет информацию и компьютер, и человек, но почему-то принято считать, что человек помнит, а компьютер именно хранит. Поэтому записанное на компьютере хранится с того момента, как на него это записали, а человеческая память, как капризный ребёнок, может легко забыть или вообще ничего не запоминать, например, наше раннее детство или сны. Мы точно знаем, что когда-то мы были маленькими детьми, но, как правило, не помним возраст до четырёх лет. Либо проснувшись утром убеждены, что видели какой-то сон, но как проснулись, совсем не можем его вспомнить.

Кто знает, почему память устроена именно так. Маленький мальчик ходил между столов и напевал песенку, что ему сегодня исполнилось четыре года. Он был очень доволен этому факту, ведь, как он тогда считал, он стал почти взрослым. Потом память сыграла с ним злую шутку и вспомнить, что было дальше, не представлялось возможным. Потом тот же мальчик, осознавая себя немного постарше, мог вспомнить различные образы и картины своего прошлого. Он вспоминал, как на своих ещё совсем маленьких ножках ходил по дому и видел какого-то дяденьку. Спустя время, он понял, что это был уже покойный его дедушка, который умер, когда ему было три годика.

Какое воспоминание будет следующим в жизни этого мальчика? Он постарался вспомнить, и память ему показала, как он, совсем маленький, держась за руки своих родителей, открывал ноги от земли и качался на руках своих родителей, а те, в свою очередь, говорили ему, чтобы он не баловался. Вспомнился так же момент, как в детском садике его укусил другой мальчик, было очень больно. При желании человек может вспомнить многие моменты своей жизни. Самые яркие её переживания мы можем вспомнить без особенных усилий, но порой память дарит нам подарки. Неожиданно подкидывает в наше сознание давно забытые приятные моменты. Это обычно бывает, когда человек оказывается в соответствующем этому воспоминания месте. Будь то старый родительский дом, детская площадка или просто фотографии в фотоальбоме. В этом плане фотоальбом можно сравнить с закладками времени. Ведь глядя на фото давно минувших дней, мы как будто подглядываем в прошлое. Картины и образы прошлого оживают. Глядя на фото, мы начинаем вспоминать, какие были тогда звуки, какие чув-

ствовали запахи, какие мы в тот момент испытывали чувства, будь то радость или страдание. Если рассматривать память человека с этой стороны, то она более совершенна. Вот и отец того маленького мальчика с самого детства учил его помнить все хорошее, все доброе, справедливое и светлое, что происходит с ним в жизни. А мальчик в тот момент понял одну простую истину, а что именно в тот момент он уяснил и будет этот рассказ.

Глава 1

Часть 1

– Что лучше, когда ты нравишься или, когда нравятся тебе?

– Хмм... лучше, чтобы нравился ты кому-то, ведь тогда тебе будут стараться угодить или купят что-нибудь вкусненькое.

– Не-а, ты что, вот вчера в садике за мной такая некрасивая девочка бегала. Фу, такой нравится.

– Ну а если бы тебе понравится девочка, будешь за ней бегать и даже дашь поиграть ей свою самую любимую машинку, то что будет тогда?

– Ты что, дурачок, что ли, чтоб я свою любимую машинку дал девочке поиграть, да машинка намного лучше и тем более... В этот момент диалог двух шестилетних мальчишек был прерван воспитателем тем, что в тихий час воспитатель зашла в комнату, где все дети должны были спать, поэтому мальчуганы быстро легли и, укрывшись одеялами, притворились спящими. Спустя пару минут раздался шепоток.

– Петь... Петяяя...

– Да тише ты, услышит...

– А мне ты дашь поиграть свою машинку?

– Димон, тебе, конечно, дам, если ты мне взамен свою ракету дашь, а то я тоже хочу в космонавта поиграть.

– Тогда после тихого часа в песочнице. Раз ты мне дашь свою игрушку, то и я поделюсь своей.

Сидящая у входа в комнату воспитатель, услышав было диалог двух детсадыков, поначалу возмутилась непослушанием. Но потом, когда поняла, что в этот момент дети смогли преодолеть свой эгоизм, и чувство собственности победило жадность, решила не прерывать процесс становления личности двух маленьких человечков.

После тихого часа детям не удалось сразу попасть в песочницу. Вместо этого их повели куда-то в другую сторону, где Дима встретил свою маму. Мы оказались в очереди, в конце которой была большая мягкая игрушка. Все по порядку вставали к ней со своей мамой или своим папой, и фотограф делал снимок. Пришел и их черед. В тот момент Дима думал, что это ужасно скучное и не нужное занятие. Зачем вообще нужны эти фотографии, ведь лучше поиграть в песочнице, но мама улыбалась, а значит так надо. Фотограф закончил свою работу, дети убежали играть на детскую площадку. Мама стояла и с лёгкой полуулыбкой смотрела на своего беззаботного и жизнерадостного мальчика. Вспомнила и свое детство. И только маленькая едва заметная слезинка могла бы напомнить окружающим, что эти воспоминания для неё безумно дороги. Но в те времена не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть момент жизни и хотя-бы иногда погружаться в давно ушедшее детство.

– С моей ракетой мне интереснее играть.

– А мне с машинкой всё-таки больше нравится. После этих слов мальчишки обменялись игрушками обратно. Смех, радость и веселье царили на детской площадке. Что может быть дороже для матери, дети которой наполнены счастьем.

Спустя пару часов мамы и их дети отправились домой. Это был их последний день в детском саду.

На выходных вся семья из трех человек отправилась за город на рыбалку. На дворе стояла осень. Жарких деньков давно не было. По утрам было особенно холодно, вся округа покрывалась инеем. Деревья лишались своих последних листиков, а при дыхании выходил пар. Именно он и развлекал Диму, когда тот на заре сидел, затаившись в кустах возле речки, с удочкой и наблюдал за поплавком. В полуметре от него рыбачил его друг Петя, который тоже ежился от утренней осенней прохлады. Они выехали в эту рань, потому что папа сказал, что рыба лучше клюёт рано утром, а на вопрос Димы: почему ей не спится в такую рань? Папа ответил, что рыбы хладнокровные, а днем начинает печь солнышко, им жарко. Интересно, что бы это значило. Мальчик смотрел на поплавок внимательно, как и говорил папа, но глаза постоянно закрывались, ведь сидеть на одном месте, ещё и не шуметь, это та ещё задача для такого непоседы как он. Хорошо хоть Петя рядом, и ему было не так скучно. Вдруг по воде пошли круги, мальчик посмотрел на поплавок, тот покачивался и вдруг полностью погрузился под воду. Папа говорил в этот момент: «Рыбу надо подсекать, а потом вытягивать удочку». Вытягивать удочку это понятно, но вот как подсекать, этого он так и не понял. Поплавок тем временем продолжал дёргаться, говоря о том, что рыбка – вот- вот сорвётся. Времени на раздумье не было, и мальчик дёрнул удочку вверх. На конце лески в первых лучах солнца блестела небольшая рыбка. Качнулась в сторону берега, мальчик схватил её и сорвал с крючка, но она оказалась скользкая, выпала из рук и упала обратно в воду. Мальчик, поймав рыбку руками и тут же упустив, попытался её вернуть. Не раздумывая о последствиях, нырнул за ней в воду, но она быстро уплыла. Тут он понял, что вода холодная. Он был недалеко от берега и выбрался наружу. Было ужасно обидно. Тут прибежал папа выяснять, что случилось. Узнав о подвиге ребёнка, он принялся разводить костёр. Спустя несколько минут все грелись у костра. Дима был почти голый, так как его вещи сушились рядом на ветках, а папа с мамой весело смеялись над смешной ситуацией и говорили, как мне могла прийти в голову идея, прыгнуть за рыбкой в воду. Вспоминая тот случай, я понял, как трудно может быть вернуть то, что не смог удержать. Узнав о том случае, наша бабушка немного поругалась, но больше на папу с мамой, а не на меня.

Шло время, багаж моих приключений постоянно пополнялся различными сумасшедшими, забавным и опасными ситуациями. То голой рукой схвачусь за электрообогреватель, потому что он красиво светится, то во время путешествий заберусь на Египетскую пирамиду или искупаюсь в речке, где прятались крокодилы, то банально в лесу потеряюсь. Натерпелись мои родители, зато был получен самый драгоценный, не чужой, а именно свой опыт.

Один из таких случаев сильно изменил мою жизнь. В то время я учился в медицинском университете. Однажды меня отправили на стажировку в одну из городских больниц. Там была одна пациентка. После несчастного случая она впала в кому. Её мама часто приходила к ней, пыталась разговаривать, рассказывала новости. Приносила горы фото альбомов, глядя на которые рассказывала своей дочери, какая она у нее красивая и умная девочка и что она обязательно поправится. У её встреч с дочерью всегда был один финал. Мама, полистав все фотоальбомы, смотрела на фотографию, сделанную последней в жизни её дочери, за день до того несчастного случая. Глядела на неё и плакала. Видя это, моё сердце обливалось кровью, мне было искренне жаль эту семью. Я хотел как-то помочь. Посвятил месяцы изучению этого вопроса, но вся современная медицина не в состоянии разобраться, что такое кома. Какие процессы в ней происходят на самом деле с сознанием человека. Ведь тело живо, но сознание спит. В такие моменты начинаешь верить, что, даже если физическое тело здорове, есть что-то большее, то, что не в состоянии вылечить, воздействуя лишь на физическое тело человека. Однажды я набрался смелости и зашёл к ней в палату, хотя этого не было в задании моей стажировки. Увидел лежащую рядом фотографию, что вся была залита слезами матери. Девушка на ней была очень красива. То, что сейчас лежало на больничной койке, было жалкой тенью её простой фотографии. В этот момент я ощутил боль матери, понял, что она чувствует, как рвётся её сердце. Желая всей своей душой и телом хоть как-то помочь девушке,

я сидел с ней все свое свободное время. Всё фотографии, оставленные там её матерью были давно изучены. Спустя три месяца моя стажировка подошла к концу, я зашёл к ней в палату попрощаться. Дотронулся до её последней фотографии и тихо-тихо сказал или подумал, что сказал это печальное слово:

– Прощай...

Собрался с силами, начал выходить из больничной палаты и на грани слышимости или просто своих мыслей услышал:

– Помни меня...

Не задумываясь о том, что мне что-то послышалось, вышел из палаты, так как никогда не любил затягивать расставания, начал закрывать входную дверь и наконец осознал, что услышал речь девушки, что лежит в коме. От этой мысли по всему телу прошла дрожь. С мыслями что она очнулась, вбегаю обратно в больничную палату, смотрю на девушку в надежде, что она скажет ещё что-нибудь или хоть как-то подаст знак, что она тут...

Ничего, послышалось, а ведь слышал вроде, да нет, я правда слышал... Или все же показалось. В ответ лишь мысленно сказал, чтоб просто быть вежливым, пусть просто с предвзвешенным, пусть просто с тем, что показалось что-то, я отвечаю своим мыслям:

– Не забуду...

Тишина, молчанье, ровные ритмичные, убаюкивающие и такие безнадежные, редкие сигналы медицинской аппаратуры, лишь в ответ мне говорили, что тут не мебель, ни макет, а человек, ещё живой, что есть надежда, пусть даже небольшая. Ответа нет, но ноги не идут к выходу. Коснулся пальцами руки той самой фото, что море чувств во мне будила, что в сердце я свое впустил. Как вдруг на грани восприятия ответом был мне тихий женский вздох. Я понял, то была не девушка, что в коме, я с памятью её знаком теперь. А после вздоха такой фонтан эмоций, что в памяти моей возник, иль не моей:

– Ну наконец-то, кто-то любит помнить, хоть кто-то ценит память и не заполнил сердце болью и тоской, кто не наполнил всю меня одним переживанием, а видит то, что видят не глазами, только сердцем и душой.

От этих слов, что память той девчонки мне сказала, в груди был взрыв, подобен грому, а в сердце поселилась теплота и нежность.

Труднопередать словами тот миг, когда к человеку приходит озарение. Некоторые люди называют этот миг просветлением. Когда привычная картина мира меняется, твоя жизнь наполняется новыми красками, открывается смысл того, для чего ты здесь нужен, к чему пришёл, что должен делать. Так цель находит человек.

– Чего застыл, смешной какой-то, да тут я, прямо в фото.

– Ты, девушка, что в мире грёз?

– Нет, что ты, я лишь отражение, быть точным, память я, накопленная ей.

– Ты память? Но как тебя я слышу? Быть может, я сошёл с ума?

– Нет, что ты, просто твоя память с тобою так щедра сегодня, что из сострадания позволяет мне с тобой поговорить.

– Приятно познакомиться, я память, а та девушка, что там лежит, моя хозяйка, зовут нас Ласка.

– А как тебя зовут мне нашептала твоя память, не нужно представляться, я все про тебя знаю.

Такой короткий, но очень странный, в тот день у нас с ней вышел диалог.

Глава 2

Общаясь с памятью той девчонки, я узнал, что память живёт в фотографиях, которые самые ценные для человека, с которыми связано как можно больше хороших воспоминаний. Оказывается, памяти нравится хранить хорошие воспоминания, поэтому она просит

всем передать о том, что нужно помнить добро. В жизни человека всякое бывает. Мир далеко не самое приветливое место. Люди не идеальны. Часто случаются обиды, эти вещи почему-то люди любят помнить намного ярче, чем хорошие воспоминания. От этого памяти всех людей живётся хуже. Как мне тогда показалось, память Ласки была наполнена добротой, отчего общаться с ней было одно удовольствие.

В тот день мы общались с ней долго. Она рассказала мне, сколько ярких и прекрасных моментов было в жизни Ласки. Сказала, что очень рада, что она память такого хорошего человека, не забыв при этом упрекнуть меня в том, что я совсем забыл о своей памяти, забыл все хорошее, что было со мной. Анализируя наш первый разговор, я пришёл к выводу, я и правда забыл обо всем. Все мысли были об учёбе, память забита экзаменами и зачётами. Всё личное время подрабатывал либо проводил с друзьями.

Пройдя взглядом по комнате своего общежития, наткнулся на фотографию. Ту самую, которую мне дала мать перед поступлением в медицинский университет. Разглядывал её, как будто это было пару дней назад. Мы с братом в детском саду сидим на коленях матери возле огромной, как мне казалось в тот момент, мягкой игрушки. Мама улыбается, а мы слегка недовольны происходящим. Прошло больше десяти лет. За это время не стало отца, я как раз заканчивал первый курс, редко бываю на его могиле. Редко звоню матери, а брата вообще забыл, когда последний раз слышал. Только сейчас понял, что память Ласки сделала мне замечание не без оснований. Я и правда забил на все тёплые воспоминания, забыл семью. Но почему моя память не говорила со мной, раз это возможно, почему не напомнила.

– Ты ведь знаешь, что мы живём в фотографиях самых дорогих воспоминаний и говорим с вами только когда вы вспоминаете о нас, держа это фото в руках.

– Наконец-то моя память со мной заговорила! Но почему у неё голос мамы...

– Потому что это самая дорогая фотография твоей мамы, я не твоя память, а её. Мама любит тебя, мой Димочка. Эти мысли она постоянно в меня посылает, а я храню их, ведь они для неё так дороги, она даже сейчас вспоминает о тебе, что не скажешь о тебе.

Слова памяти матери больно ударили по мне. Словно раскалённая игла погрузилась между рёбер в самое сердце. В этом момент ощущаешь себя бесчувственной скотиной. Как я мог не вспоминать о матери все это время. Не теряя больше ни секунды, я взял мобильный телефон. Набрал по памяти номер матери, хоть его и так помню и тут же осознал, что это заслуга не моя, а моей памяти, спасибо ей за это. Ведь помнить и вспоминать это – совершенно разные вещи. Так как память может лишь помнить, а вспоминать о матери обязан был я сам. Гудок, второй, третий... Ну же, возьми трубку, неужели что-то случилось! Та самая раскалённая игла погрузилась в меня ещё глубже. Начала нарастать паника. Наконец в телефоне раздался голос матери. Ну слава всем богам, успел.

– Привет мам, как ты там? Все нормально? Как здоровье? Выдал я вопросы на одном дыхании.

– Всё в порядке Дима, за меня не переживай, всегда рада твоему звонку, чего родной так долго не звонил? Случилось что? У вас там все нормально? – встревоженный вдруг голосом заговорила мать.

– Нет, что ты, мама. У нас тут все нормально, учусь, весь заматался. Ты прости, я не со зла, люблю тебя я очень и скучаю. Увидел фото, решил вот позвонить.

Мы говорили минут десять и почему я раньше и минуты не звонил, чего нам стоит, пара минут общения, и мама снова знает, что со мной. Повесил трубку с добрым сердцем, наполненным любовью матери, что не жалеет её для своих детей.

– Ты молодец, пополнил матери копилку добрым словом и вниманием своим. Благодаря звонку память мамы стала чище от мусора, от нервов и тоски.

– Спасибо, память мамы, что сказала, а как мне общаться с памятью своей? Хочу просить прощения у неё, хочу узнать подсказки и советы для себя. Пусть откроет мне глаза мои советом, подскажет глупому мне.

– Ты знаешь все условия для общения, но не уверена, что услышишь ты себя, познать себя намного вам труднее, боитесь вы, взглянуть правде в глаза.

На этом наш диалог с памятью мамы был закончен. Сказать, что я был рад общению, это не сказать ничего. Мне понравилось общаться с памятью второй раз в жизни. Они и правда открывают глаза на некоторые грани нашей жизни. Пора готовиться к экзаменам, завтра начинается сессия. Память, прости меня, но этим вечером, да и ночью я обязан затолкать в тебя учебный материал за весь год. Сидя за столом, закинув ноги на который, несколько часов впитывал учебный материал. Дело продвигалось достаточно быстро, так как занятия я не пропускал. Оставалось лишь освежить свою память, чем я и занимался без особого энтузиазма.

Постепенно мои мысли возвращались к девушке, что встретил на стажировке или к её памяти. Интересно, её мать все так же часто навещает её. Надо бы выделить время после экзамена и навестить спящую красавицу.

Ближе к утру я наконец был удовлетворён своей подготовкой к экзамену, позволив себе поспать несколько часов. Проснувшись, быстро привел себя в порядок, собрался и пошёл на экзамен. Студенты всегда спорили. Лучше заходить вначале или в конце. Одно из мнений о том, что быстро отмучился и свободен. Второе о том, что экзаменатор в конце экзамена устает, понижает бдительность, больше времени на подготовку к ответу. Как по мне, лучше идти в середине.

Настала моя очередь. Непринуждённо зайдя в экзаменационную аудиторию, выбрал себе билет, традиционно тянул левой рукой, хотя сам я правша. Однажды кто-то сказал мне, что тянуть билет и пить алкоголь лучше лёгкой рукой, легче будет. Так и осталась у меня эта привычка. Вопросом билета была как ни странно кома, степени тяжести, способы вывода из неё человека, курс по восстановлению и реабилитации. Надо ли говорить, что в попытках помочь той девушке в больнице, я перелопатил всю доступную литературу. Ответив без подготовки на отлично, я направился на выход из аудитории поблагодарить её за случайно оказанную мне на экзамене помощь. Ведь именно благодаря ей я досконально изучил данный вопрос.

Сразу осуществить задуманное не удалось, так как преподаватель после экзамена будет подводить итоги. Настроение было хорошее, мысли о грустном как-то сразу испортились, а после мы всей группой отправились отмечать удачную сдачу экзамена в ближайшее кафе. Я не часто посещал такие мероприятия, но был хороший повод развеяться, поэтому и позволил себе немного алкоголя. Время летело быстро, разговаривали о том, кто где хочет работать. Некоторые хотели поехать работать в столицу, некоторых хотели стать военными врачами. Куда пойти работать мне, этот вопрос я много раз задавал сам себе. Хотелось приносить настоящую пользу людям, не просиживать штаны в кабинетах.

Первое, что я решил сделать, это набраться как можно больше опыта во время интернатуры. Лучший опыт там, где горячо, где много больных и много работы. Кто-то выкрикнул тост: «За молодых врачей!»

– За врачей!! Поддержали его все дружно. Чистый звон бокалов и родные лица. Врачи все наливали, чтобы веселиться.

Глава 3

– Извини, что давно не заглядывал, – сказал я, закрывая за собою дверь и заходя в больничную палату.

Её волосы, такие красивые и полные сил, развевались по подушке и казались такими живыми. Это придавало сильный контраст, глядя на их практически безжизненную хозяйку.

Точечная, хрупкая фигура, болезненно худое лицо, тонкие руки, костлявые пальцы... И только ритмичное пиканье подключённых приборов говорило о том, что лежащая на этой кровати девушка все ещё жива. С того момента, как её первый раз увидел, прошло больше года, а с того момента, как она тут оказалась, уже более трех лет. Ошибка водителя, и то, что она в момент дорожно-транспортного происшествия переходила пешеходный переход, разговаривая по мобильному телефону, привели к неизбежным, трагическим последствиям. Глядя на фотографии, с трудом удаётся разглядеть этого светящегося жизнью, жизнерадостного человека. Осталось только надломленное, измученное приборами жизнеобеспечения тело с малейшим намёком на сознание. Но волосы... Раньше я не обращал на них внимание. Так почему же сегодня они притягивают мой взор. Возможно ей становится лучше... От этой мысли сердце стало безжалостно колотиться, ведь волосы и правда выглядят как на фотографии, живые и полные сил.

Вышел из палаты, пошёл быстрым шагом, срывающимся на бег, к дежурному врачу. В голове только один вопрос...

– Здравствуйте, – сказал я, глядя на неё полными надежды глазами. Елена Александровна, так было написано на её биджике.

– Состояние девушки в коме, что лежит тут несколько лет, не изменилось? Как она? – Выпалил я на одном дыхании.

На что получил обрекающий на неудачу всех моих надежд взгляд, разбивающий все МОИ хрустальные мечты о чугунное ого-го реальности.

– В её состоянии уже давно не было изменений. Всё стабильно. Как растение, что просто живёт, как камень, что лежит, как луна, что просто светит так безмолвно и одиноко. Наверно, она чувствует себя примерно так же. Просто есть, её тело существует, но души в нем не осталось. Голос медика звучал как приговор. Смысл её слов от меня улетал, я не хотел их воспринимать и не стал.

Направился обратно к ней, к моей Луне, к моей Ласке. Заходя в Палату, посмотрел на неё. Мой безжизненный, но самый дорогой цветок, такой тоненький, хрупенький, как будто растущий в пустыне, умирающий от жары и жажды, но все ещё живой. Коснулся её руки, теплая. Газа закрыты, а ведь я ни разу не видел их в живую, я все ещё не видел твоих глаз. Должно быть, они красивые. Посмотрел на фотографию. Большие, яркие, светло-карие. Такие живые и сильные. Улыбка, что способна растопить лёд в сердце самого чопорного и грубого человека. Красивая

спортивная фигура, что желает заполучить каждый здоровый мужчина. Мысли о ней сбивали здравый смысл в моей голове, и наконец я вновь услышал её голос, которым говорила её память.

– Ты бы ей понравился...

– Спасибо за комплимент, – ответил я с лёгкой полуулыбкой и задал так волнующий меня вопрос:

– Как она? Ей лучше?

Ответ был сух и полон грусти:

– Новых воспоминаний мне не поступало, извини.

Да, диалог не получился, ну что ж бывает. И больше в этот день не слышал я голоса её. Сидел так ещё пару часов. Поправив простынь, что её укрывала, я вышел из палаты. Быть может, завтра будет лучше. Я надеюсь.

Обучение в интернатуре продолжалось. С того момента, что я наконец после шести лет учёбы в медицинском стал врачом, прошло ещё полгода. Почти каждый день я навещал свою Луну. Как ни странно, ей подходило это прозвище. Ведь время для её посещения у меня было только тогда, когда солнце уже садилось. Она для меня словно луна, вроде рядом, но все так же далека, всё так же молчалива, моя Ласка. Сам не заметил тот момент, когда её мать перестала навещать ее, может, что случилось. Мне не важно это. Теперь я и вправду считал её своей. Только своей. Проходят дни, я весь в учёбе. Нашему миру нужны хорошие

специалисты своего дела, они всегда востребованы. Чиновников и управленцев у нас столько же, сколько безработных и бездельников, которые приходят на работу и проводят её в своём кабинете, словно мебель, так говорила моя мама. С того момента, как поговорил с её памятью, мы стали общаться намного чаще. Сейчас в моем сердце жили двое, ведь только открыв сердце другому человеку, её память сможет с тобой говорить. Память людей и так переполнена злостью и обидами со стороны самого человека, поэтому она боится общаться с людьми, которые не открыли ей свою душу. Моя собственная так и не стала со мной говорить, наверное, обижается на меня за то, что я так наплевательски забывал все хорошее, а все плохое помнил. Да, люди такие. Делай добро, и этого не заметят, да и забудут. Один раз покажи им зубы – запомнят на всю жизнь. Задумываясь над этим, я начал задаваться вопросом. И что же мы люди имеем в конце? Обиду и ненависть на всех и жалеем себя свою жизнь?

Ответ прост, мы сами записываем на плёнку воспоминаний нашей жизни все гадости, а то, что нам делают хорошее, канет без следа в нашей памяти. Не удивительно, что мы не можем общаться с нашей памятью...

Моя интернатура была в области изучения мозга человека, не удивительно, что я выбрал это направление в конце обучения. Я понимал, что если я не помогу Ласке, то ей точно никто из людей не поможет. Постоянное чтение научной литературы, поездки к профессорам, изучение пациентов в клинике. Все это пополняет мою базу знаний в этой области. На дворе уже наступила осень, мои надежды умирали, словно летящий, гонимый холодным ветром, опавший кленовый лист. Снова больница. Стоя перед её входом, я наконец обратил внимание на то, как она выглядит. Явно бюджетная. На проходной спящий охранник престарелого возраста. Стены облезлые, больше серые, чем белые, местами прорастает плесень от влаги и сырости. Оконные рамы деревянные, стекла окон не разбитые и то ладно. Три этажа без надёжности, грусти и печали. Да... В эту больницу кладут умирать, а не лечить. Такое вот впечатление.

Внутри картина не лучше. Палата Ласки немного порадовала, чистая, светлая, со свежим бельём, позже надо поблагодарить санитаров, что приглядывают за ней. Моя луна все также ждала меня. Я знаю, её память рада моему приходу и покажет ей это во сне. Внимательно осмотрев её взглядом, пытаюсь найти отличия в её теле. Волосы живые и растут. Ногти подстрижены, а значит тоже живы. Хмм, интересно, они всегда росли или недавно начали. Надо уточнить этот вопрос у медперсонала. Есть выпавшая ресниц. Так, а это что у нас?

Испарины соли на лице точно на пути слез. Она что же это, плачет, значит. Это нонсенс. Бегом к врачам все уточнять. Встретить лечащего врача проблем не составило, она одна на всю больницу. Нашёл её в палате у больных. Опять вопрос все тот же и ответ похожий как в тот раз. Я наседал со своими расспросами:

– Но как же, ногти, волосы, ресницы. Не жизнь ли это?

– Тело живо её, именно поэтому она здесь, ведь сердце её тоже бьётся, но жизнь ли это в вечном сне? Я понимаю ваши чувства, и если вдруг она очнется, то я скажу ей ваш номер телефона. Увы, но это все, что я могу сейчас для вас сделать. Мы можем лишь её купать, менять белье, наполнить капельницу раствором глюкозы. Другого у нас нет, увы, вот так.

– Спасибо вам за это, ну а все же. На её лице соль от слез, такое может быть?

– Интересно, я обязательно проверю и узнаю.

– Простите, мне пора, полно работы, – сказала мне Елена и ушла.

Глава 4

Интернатура, как и ожидалось, довольно интересный этап в жизни врача. Человеческое тело стало словно открытая книга. Большинство болезней изучено, методы лечения разработаны. Мой куратор доволен моей работой. Всё это, конечно, хорошо, но к своей цели я не приблизился ни на шаг. Медицинская литература не отображала рабочих методов лечения комы. Куда там медицине, если даже вся современная наука в этой области лишь разводит руками. Существует множество центров исследования мозга, в которых ведётся работа, совершаются различные открытия, выявляются закономерности,

но до практического их использования пройдет не один десяток лет. Человеческий мозг, биокомпьютер, нейронная сеть и центр управления человека. Не удивительно, что человек умирает при его повреждении. Его схематичное строение достаточно просто: большие полушария, средний мозг, мозжечок, промежуточный мозг, мост. Что же не так...

В госпитале, где я проходил обучение, был современный аппарат магнитно-резонансной томографии. Для того чтобы начинать понимать хоть что-то, нужно диагностировать проблему, собрать данные, потом делать выводы.

Решено, обращусь за помощью к своему куратору. Он должен помочь мне провести МРТ на Ласке. Этим же вечером отправился в кабинет Полиновского Владимира Викторовича.

Куратор был строг, но справедлив. Большую часть своей карьеры проработал военным врачом, что впоследствии сделало его хорошим специалистом по реаниматологии и травматологии. Данный человек имел кучу связей и за спасенные жизни соответственно пользовался заслуженным авторитетом. Он часто повторял одну фразу: «То, что врач делает для себя – это не жизнь, лишь вегетативная её часть, но вот когда кому-то нужна помощь. И благодаря твоей помощи, этому человеку стало лучше, вот это жизнь для врача. Это та грань, что разделяет профессию медика от другой».

– Разрешите? – спросил я, постучав в его кабинет.

– Да, Дмитрий Денисович, проходите.

Зайдя в его кабинет, без тени сомнения, не опуская глаз, решительно сказал:

– Есть пациент одной клиники, это мой близкий человек, и ему необходима диагностика в нашем госпитале.

Владимир Викторович помечал что-то в своём блокноте, возникла неловкая пауза. Поэтому я решил продолжить:

– Пациент в тяжёлом состоянии, у неё кома, я хочу сделать магнитно-резонансную томографию для определения степени тяжести комы и выявления причин её возникновения, что вследствие откроет мне пути лечения этого пациента.

Снова пауза, в кабинете тишина, слышны лишь звуки пишущей в блокноте шариковой ручки. Куратор все так же не поднимал на меня глаз. Что ещё ему сказать, нужно было заранее подготовиться к разговору, и вдруг он заговорил:

– Скорее всего, вы, как и все учёные, ничего этим не добьётесь, если бы МРТ могло показать проблему и пути её решения, тогда у нас в мире не было бы пациентов с длительным пребыванием в коме. Над вами посмеются, да и спасибо не скажут. Нам, врачам, не часто говорят эти слова, по крайней мере искренне я это редко слышал. Услышав его ответ, я позволил себе лёгкую улыбку и слегка расслабился.

– Значит вы поможете мне это организовать? – спросил я у куратора.

– С чего ты это взял? – спросил он в том же положении. После этого ответа я снова напрягся, но та его оговорка, она была сказана не просто так,

и я ответил:

– Потому что вы сказали «скорее всего», а значит, вы допускаете, что у меня есть шанс. А врачи всегда сражаются до последнего. Выпалил я на одном дыхании. Наконец он отло-

жил свою ручку поднял на меня глаза. Тот пристальный взгляд я запомнил надолго, а на его вопросы, что он задавал, смог ответить только в далёком будущем, когда понял то, о чем он говорил. А спросил он следующее:

– Что ты знаешь о борьбе до конца, сынок, о борьбе до конца за жизнь человека? Все думают, что это легко, и каждый сможет. А что будет, если ты все же проиграешь борьбу за жизнь близкого тебе человека? А если позже ты поймёшь, что он погиб по твоей вине?

– Ответь мне, Дима, что ты об этом знаешь?

Что мог ответить на эти вопросы юнец вроде меня. Ничего этого я не знал тогда, поэтому я молчал, но лучше молчать и быть честным, чем слукавить и выглядеть глупцом. Мой куратор тоже понимал это и принял моё молчание за ответ. Сложив пальцы домиком, он погрузился в размышления. Минута тянулась бесконечно долго. Наконец он ответил:

– Мы никогда не узнаем и ничего не сделаем, если будем бездействовать, да и тем более твоя узкая специализация как раз о мозге человека. Я внесу изменения в твой интернатурный план подготовки, постараюсь согласовать его с советом. Как будет что-то известно, дам знать. Это все, можешь быть свободен.

Когда он говорил свои выводы, на моем лице растянулась улыбка, и, выходя из кабинета, я понимал, вот он мой первый шаг, что я сделаю для неё. Я встал на путь действия, а не сострадания и горевания. Настроение было отличное.

Шли дни, съёмная квартира и две больницы, вот был мой стандартный маршрут этого года. В одной больнице моя интернатура, в другой моя душа. Вечерние звонки матери, последнее время в разговоре с которой появлялись сомнения о крепкости её здоровья.

Моего отца не стало, когда мне было ещё восемнадцать лет, несчастный случай на работе. Ирония судьбы, всю жизнь проработал электриком. Имея колоссальный стаж и опыт работы погиб от удара током, когда проводил электричество на один из строительных объектов. Мы пережили это событие.

С момента разговора о проведении МРТ прошло больше месяца. Я не напоминал о нем, ведь куратор и так знал, что это меня тревожит. Уверен, он решит этот вопрос. Лёжал дома на диване с научно популярным журналом в руках о современных достижениях науки, вдруг раздался звонок моего мобильного.

Время одиннадцать вечера. Куратор.

– Слушаю, Владимир Викторович, – ответил я бодро, ведь я давно ждал от него вот такого вот звонка.

– Дима, только что мне пришёл ответ о моем запросе руководству, внесенные мной изменения в твой план прохождения интернатуры... Тут он сделал небольшую паузу, как будто сам ещё раз перечитывал их ответ и, чтобы быть уверенным на все сто перед тем, как это сказать мне, решил ещё раз прочитать. Они их утвердили. В груди взрыв эмоций, шар огня пылает в области сплетения. У меня получилось!

– МРТ постоянно занят, так что я выделил тебе окно в выходной день. Я буду тебе там ассистировать, а сверхурочные мне за это не заплатят, так что мотай на ус. Да и с той поликлиникой решай вопросы сам, если не сможешь, то скажи, что действуешь от моего имени. Всё, доброй ночи.

– Доброй ночи, наставник.

Неудивительно, что после разговора я долго не мог уснуть. Сев за компьютер, в который раз начал изучать исследования мрт людей, что были в коме, сравнения с обычными здоровыми людьми и мёртвыми, спящим. Возможно, часть снимков неправда, фото Шоп и другие инструменты, могли добавить пиар сайту и тем самым ввести меня в заблуждение. По моему анализу видно, что основная разница крылась в районе головы. Все вопросы были в мозге, ну или в том, ЧТО этим мозгом управляет, а что ЭТО у официальной науки ответа нет.

Глава 5

До выходных оставалось ещё три дня. Соответственно, три дня есть на то, чтобы решить вопросы по вывозу и транспортировке Ласки из больницы в госпиталь. В первую очередь решил обратиться к Елене Александровне, тому самому врачу, той самой обветшей от времени поликлиники, где лежит моя, та самая. Отпросившись сегодня у Владимира Викторовича на выходной, объяснив ему свою необходимость, поехал в поликлинику. Около часа езды в электричке помогли собраться и настроиться на действия. Слегка не привычно было при свете дня ехать по делам, а не в свою больницу, где проходил интернатуру. Выбравшись из вагона, полный решимости, зашагал в сторону лечебного учреждения. День был солнечный и ясный, настроение приподнято. Всё должно пройти как по маслу. Клиника располагалась в обычном спальном районе. В свете дня здание оказалось ещё в худшем виде чем вечерами. Резкий контраст со стоявшим неподалеку ярким пивным баром наводил на печальные мысли. В современном обществе деньги водятся в сфере развлечений, а не в медицине. Больные и старики не представляют ценности для государства, ведь они не работают для страны, не платят им налоги. Каждый бизнесмен знает простую истину: «Не вкладывать деньги в мёртвое дело, ведь оно не приносит прибыли». Только в нашем случае мы заменим слово «дело» на слово «тело». Все это понимают, но сделать ничего не смогут. Вы спросите, почему не смогут? Все просто, там сидят матерые, умные волчары с гигантским опытом управления толпой, а все смены власти так или иначе проходили, когда сами верха решили её менять. С такими вот пессимистичными мыслями я шагал по коридорам клиники, где не лечат, а провожают.

– Разрешите? – спросил я после того, как постучал в кабинет Елены Александровны. Не дождавшись ответа, приоткрыл дверь. В кабинете оказалось пусто, но рабочая обстановка и оставленный на столе мобильный телефон доказывали, что врач на работе и, вероятно, не просиживает штаны в кабинете, а занимается больными. На таких вот и держится матушка Родина. Правда людей старой закалки в современном обществе все меньше, к чему нас приведут люди, воспитанные без принципов нравственности и чувства ответственности, не хотелось мне даже думать. Обойдя больничные палаты, так и не встретил искомого человека.

Оставалась лишь одна палата, палата Ласки. Подходя к ней, увидел, что входная дверь приоткрыта. Войдя внутрь, старался не отвлекать работающих людей. Юный медбрат обтирал её мокрым полотенцем, а врач слушала её стетоскопом.

– На лице опять присутствуют следы высохших слез, -сказал тот, что заботливо обтирал её. Врач кивнула, дав понять, что услышала его. Заметив меня девушка врач, жестом выгнала не званного гостя из палаты.

Прошло не более десяти минут, как они вышли из палаты. Елена Александровна направилась ко мне, цокот её каблучков звучал слегка угрожающе, да и её вид говорил о том, что она приближается сказать мне не дружественное приветствие. Но не успела та сказать и слова, как я её опередил:

– Я глубоко извиняюсь, простите что зашёл и отвлек вас от работы, но мне нужно было срочно увидеть.

– Входить в палату, пока там идут процедуры, запрещено. Вам, как врачу, это должно быть известно, -сказала она повышенным тоном, но потом уже мягче добавила:

– Теперь вы можете её увидеть.

– Вообще-то я хотел увидеть вас, а потом уже её. Из-за того, что мои слова прозвучали слегка двояко, одна из бровей моей собеседницы поднялась вверх. Взглянув на этот мимический жест, я как-то весь растерялся, мысли спутались, и я сказал полную чушь:

– Вы меня неправильно поняли, сегодня интересуете меня именно вы, но и она тоже, но, как девушка, вы меня не интересуете, а как врач, точно, как врач врача, боже, что я несу...

После этой сказанной нелепицы поднялась уже вторая ее бровь.

– Хорошо... я поняла, что, как девушка, я вам не интересна, – сказала она, и мне показалось, что это её немного задело, хотя она не подала вида.

– А к Ласке вы ходите как врач к пациенту или как парень к девушке?

– Или вы ходите к нам обеим и не понимаете, что вы вообще здесь делаете, ведь я так и не поняла, что вам сейчас нужно?

– Сегодня я здесь как интерн и лечащий врач Ласки.

– Так значит вы ходите к ней как врач? Тогда с какой целью вы пришли ко мне?

Аааа мои мысли она меня совсем запутал. Видя, что я совсем растерялся, Елена предложила пройти в её кабинет, и там она ответит на мои вопросы, но только как врач, добавила она, слегка подколов меня.

В её кабинете было светло и как-то по-домашнему уютно: рабочий стол, на котором стоял старенький компьютер, блокнот для записи и фотография мальчугана лет шести. Небольшой, но раздвижной потрёпанный диванчик. В углу маленький холодильник. Чувствовалось, что она проводит здесь времени больше, чем дома.

– Простите за тот юмор, что я устроил в холе, – сказал я, собравшись с мыслями.

– Да ладно, проехали, в нашей стране без юмора станет как-то совсем печально. Так какие у вас ко мне вопросы?

– Всё дело в Ласке, вы знаете, что я уже почти два года наблюдаю за её состоянием, начал в ходе учебной практики, теперь по своему собственному желанию помочь. И я рассказал ей, как хочу помочь девушке, как долго изучаю состояние комы и мозг человека в целом. В завершение рассказа козырнул тем, что мой куратор сам Владимир Викторович Полиновский будет мне помогать.

Девушка слушала меня не показывая эмоций, интересно, о чем она думает. Куратор также молча задумывается перед озвучиванием своего решения. Я был уверен, что она хотела бы помочь и сейчас думает, как согласовать вопрос с начальством. После долгого молчания она наконец сказала:

– Слезы, меня заинтересовали её слезы. Спросив у авторитетных врачей, я убедилась, что это типичное состояние комы. Вероятнее всего, мы ничего не сможем сделать с этим.

– Решите вопросы с начальством о том, чтобы её вывезти в воскресенье в госпиталь, где я прохожу интернатуру?

На мой вопрос она улыбнулась и слегка цинично ответила:

– Я уже как год здесь не только врач-терапевт, но и исполняющая обязанности начальника поликлиники. Не переживайте, Дмитрий Денисович. Этот вопрос я решаю.

На следующий день поставил в известность куратора о достижении договорённости по транспортировке Ласки на выходных в наш госпиталь. Полиновский был уверен, что я договорюсь, поэтому совсем не удивился, что я добился успеха в данном вопросе. Сам он без дела тоже не сидел. Раздобыл ещё кучу приборов и электроники для диагностики импульсов мозга, различные датчики, аппарат компьютерной томограммы, который сканирует организм практически до каждой клеточки тела. И как ни странно, в его глазах тоже горел здоровый энтузиазм.

Наконец настал вечер воскресенья, именно на это время было оговорено доставить Ласку к нам в госпиталь. Как ни странно, точно по расписанию перед КПП госпиталя раздался свист тормозных колодок старого медицинского автомобиля УАЗ 39629, в простонародии названный «буханка».

– А девушки иногда умеет быть пунктуальными, – сказал куратор, давая указания на запуск данного автомобиля.

Глава 6

Куратор сидел за столом своего кабинета. Его типичное выражение лица, задумчивый взгляд, руки локтями на столе, пальцы сцеплены в замок. Внешне он выглядел точно так же,

как и всегда. Лишь постукивание ступней левой ноги могло сказать, что он немного напряжен. После того разговора с одним из своих интернов, он снова почувствовал азарт. Предвкушение исследования и поиска пути решений вывода человека из комы. Данный вопрос так и не был решён врачами. Он уже и не думал, что будет получать от работы чувство интриги, что свойственно молодым специалистам. Он считал, что многое повидал в медицине, все перепробовал, год за годом его интерес к работе угасал. Последнее время даже появлялись мысли уйти на заслуженный отдых, а тут вдруг, на тебе, здоровый энтузиазм заставлял подпрыгнуть и приступить к деятельности. Словно опять начался юношеский максимализм. То самое состояние, когда подросток считает, словно весь мир прогнется под его напором.

Наконец Владимир поднял трубку стационарного телефона, быстрым движением пальцев набрал номер нужного ему абонента. После нескольких протяжных гудков в трубке телефона раздался женский голос, на что куратор ответил:

– Лена, Диме я сказал, что договорился о проведении лишь МРТ на выходные, на самом же деле я решил вопрос о её переводе в наш госпиталь.

– Если вы желаете, я не запрещаю вам заниматься лечением с нами, так как это ваш пациент уже долгое время, нам может понадобиться ваша помощь.

– Да перестаньте, я сегодня же решу вопрос о том, чтобы вас подменили в вашем хосписе. Незаменимых нет, так что собирайте вещи.

После этого короткого, но вполне удачного разговора с врачом из больницы, где лежал наш пациент, Владимир сделал ещё с десяток звонков, согласовывая параллельные вопросы по доставке в госпиталь различного современного оборудования, что могло пригодиться в диагностике и лечении нашего пациента.

Следующие несколько дней в отведенный для лечения кабинет помимо аппарата МРТ был установлен компьютерный томограф, аппарат сканирования волновой активности мозга, а также различные приборы сканирования всех видов жизнедеятельности организма. Несколько раз Дмитрий забегал с предложением о помощи в их монтажке, на что Владимир Викторович отговаривался, что справится сам. На самом же деле у куратора просто руки чесались наконец начать работу, да и дела он всегда вёл от начала и до конца, чтоб потом не было мучительно больно за бесцельно потраченное время из-за чужой оплошности, а подготовка оборудования все же один из важнейших этапов организации рабочего помещения. Как ещё в годы юности Владимира, ему говорил его учитель: «От ваших действий или без действий, зависит минимум судьба, максимум жизнь». Этот урок он запомнил надолго, ещё во время службы полевым хирургом штурмовой группы. Сколько раз он тогда спасал жизни бойцов, одному богу известно. Хорошая была школа жизни, но такую школу лучше и вовсе не проходить.

Наконец подготовка была закончена. Наступили выходные. Находясь на работе в своём кабинете, профессор Полиновский наконец услышал характерный свист тормозных колодок старой «Буханки». Не прошло и одной минуты, как он лично прибыл на КПП госпиталя для встречи гостей. Его глаза блеснули, а по губам можно было прочесть:

– Работа началась!

После ухода того интерна прошло два дня. Но Елена Александровна никак не могла найти себе места на работе. Что-то было не так. Стены давно привыкшей её взору больницы стали какими-то блеклыми. Она начала думать, что находится не на своём месте. Кому она тут реально помогала можно сосчитать на пальцах. Большинство больных, кого можно было вылечить, переводили в сильные госпитали, а оставшиеся, как правило, в этой больнице умирали. Какую она могла принести пользу? Только разве что решить вопросы по переводу. Тем,

кому было суждено остаться здесь, она могла дать лишь временную стабилизацию состояния здоровья в купе с заботой и уходом. Сейчас ей уже не казалась её деятельность, достойной её, она хотела большего. Хотела приносить реальное благо больным. Поэтому, когда ей позвонил известный на всю округу бывший полевой хирург, ныне уважаемый нейрохирург Владимир Викторович Полиновский и предложил поработать с ним и его интерном Дмитрием, она поняла, судьба дала ей шанс. Конечно для виду она позволила себе немного «поломаться», набивая себе цену, но в итоге позволила себя уговорить на эту совместную работу.

Следующие дни она готовила своего приемника на её должность, а когда пришло время перевода Ласки в госпиталь Полиновского, она испытала ранее знакомое ей чувство того, что она находится на правильном пути, чувство уверенности в правильности принятого решения. Это придало ей силы покинуть такую привычную за эти пару лет больницу. Наконец расстояние было преодолено. Впереди был виден контрольно-пропускной пункт Госпиталя, подающего одним своим видом надежду, сильного госпиталя, с мощной медицинской материальной базой и подготовленными специалистами. Не успела её, как она окрестила свой медицинский автомобиль, «трахома» остановиться с этим приевшимся скрипом колёс, как она увидела два знакомых лица. Это были Владимир и Дмитрий.

Услышав прибытие Елены с Лаской, я тут же рванул их встречать. Спускаясь по лестнице, встретил своего куратора. Он, увидев, но не обратив на меня внимания, побежал в сторону КПП. «Не похоже на него», – подумал я, следуя за ним. Наконец я увидел, как из машины выходит тот доктор. Серьёзная, состоявшаяся по жизни девушка, что знает себе цену и знает, что она хочет получить от этой жизни. Задавая вопрос себе, кого из этих девушек я в тот момент ждал больше, Ласку или Елену, я быстро нашёл правильный, выбранный сердцем ответ. Доктор была уверена и решительна. Мы с куратором

встретили её по всем правилам и инструкциям. Владимир дал команду на выпуск транспорта и его пациентки в госпиталь. В тот момент начала вершиться история.

Глава 7

Просторная медицинская лаборатория. Пол с потолком, стены, двери, перегородки, окна и даже гардины с подоконниками- все сверкает стерильной белизной. Красиво блестят, переливаясь светлым металлическим блеском, медицинские приборы и аппараты. Раздаётся ритмичное пиканье приборов, оповещающее всех, что все под контролем. Сигнальные лампы и десятки мониторов с различными динамограммами. Всё в этом помещении говорило о новизне и просто колоссальной стоимости оборудования. Каждый, кто понимает хоть что-то в мед оборудовании знает, что эти приборы можно встретить лишь в государственных исследовательских центрах, либо частных лабораториях миллиардеров-фанатиков своего дела. Простым смертным не суждено проходить лечение в местах, подобных этому.

Авторитет Полиновского и неизвестные покровители позволил нам выбить и оборудовать нашу лабораторию по высшему разряду. На белоснежной простыне лежала она. Кто она теперь для меня? Моя Ласка? Мой пациент или моя возможность для совершения грандиозного прорыва? Как бы то ни было, я выложусь по полной.

Подписав все необходимые бумаги о неразглашении конфиденциальной информации и заключении контракта, каждый сотрудник проекта был настроен на плодотворную работу. По решению министерства здравоохранения, именно на этом уровне куратор согласовал организационные вопросы по ведению медицинского исследования пациента Аккатьевой Елизаветы Юрьевны. Так звали Ласку. И почему её мать звала её Лаской? Странные женщины, дают имена, а потом называют их другими прозвищами. Лиза, она же Ласка, получила статус исследовательского объекта. Полиновский Владимир Викторович был назначен руководителем про-

екта. Годен Дмитрий Денисович – интерн и главный ассистент. Хорошилова Елена Александровна – лечащий врач объекта исследования.

Первое совещание и постановка задач были волнующими.

– Хочу вас обрадовать и огорчить одновременно. У нас есть достаточно первичной информации по причинам и следствиям возникновения состояния комы. Мы знаем, что это состояние, когда человек зависает между жизнью и смертью. Плохая же новость заключается в том, что учёные по сей день не разработали процесс вывода человека из этого состояния. Проще говоря, все предыдущие группы потерпели неудачу. Никто так и не нашёл ответ, что чувствует тот несчастный, что заперт в своём теле. Испытывают ли они боль или страх, слышат ли они нас, появляется ли у них сознание?

– Профессор, тогда почему вы думаете, что у нас что-то получится? Ведь ни у кого не получилось? – спросила Елена.

– Потому что у нас есть больше, чем у них, так сказать козырь или ломик в рукаве. Кому как удобнее. С этими словами куратор покосился на меня.

– И что же это за козырь? – спросил я, не удержавшись. Профессор сделал задумчивое лицо. Как обычно побарабанил пальцами по столу и наконец сказал: «Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаю собрать как можно больше исходных данных». Прочитав отчёты о её лечении, я решил спросить вас, Елена, уточните пожалуйста. Ногти и волосы росли все время, что она находилась у вас?

– Да, профессор.

– В отчётах вы указываете, что после некоторого времени волосы объекта... Тут я его перебил:

– Волосы Лизы, а не объекта. Профессор лишь хмыкнул на мою реплику, но все же поправился:

– Волосы Елизаветы стали ярче и объемнее. Не могли бы вы пояснить по этому поводу?

– Я считаю, что её волосы стали выглядеть более живыми благодаря положительным эмоциям, что дарила ей мать. опережая ваш вопрос про её слезы, что были обнаружены во время её умывания, так же связаны с её матерью. Неожиданно она перестала к ней приходить. Сделав пару звонков, я узнала, что она покинула наш мир. Если честно, я думала, что Лиза покинет нас в то время.

– Поясните.

– В эти тяжёлые для неё дни её состояние сильно ухудшилось, несколько раз происходила остановка сердца. После посещения её Дмитрием и его общением с ней, её состояние снова улучшилось.

– То есть наш Дмитрий может влиять на её здоровье, так?

– Факты говорят об этом, профессор, но медицина не может этого подтвердить.

– Так же, как и вывести её из комы, – подвёл итоги профессор и ещё раз выразительно посмотрел на меня. После этого мой вопрос о козыре перестал быть актуален.

Далее началась работа по сбору данных, Ласка была с ног до головы облеплена различными датчиками. Её организм проходил через десятки различных аппаратов и сканеров. Компьютерные томограммы, магнитно-резонансные томограммы. В итоге мы имели полную трехмерную её копию на проектной голограмме, причём она была цветная, с возможностью увеличения любого участка как поверхности тела, так и внутренностей.

Голограмма проецировала все в реальном времени. Каждый удар её сердца, каждое открытие клапана в венах, все проецировалось в трехмерной модели. Венцом всего этого было то, что в голограмме, в области мозга, постоянно возникали какие-то слабенький отблески и сияния. Гений человеческой мысли в свое время изобрёл сканер мозговой активности мозга, который мог вычислять и показывать, какой участок мозга активен и какие волны генерирует. Далее начался сбор данных. Каждый знал свое дело.

День шёл за днем. Аппараты собирали данные, мы их систематизировали. Влияли на Лизу различными приборами, электрофорез среди которых, словно каменный молоток из древности. Мы обрабатывали её организм суперсовременными «эликсирами жизни», что восстанавливает её тело, приводили в тонус мышцы и костные ткани. Накачивали её адреналином и другими стимуляторами. Покрывали её мозг тысячами волн различной вариации. В физическом плане её здоровье сделало хороший скачок в развитии. Она находилась под круглосуточным наблюдением, ночами мы дежурила по очереди. Месяц такой терапии превратил её в совершенно здорового человека. Её тридцать килограмм превратились в сорок восемь. Мышечные стимуляторы и электротренажёры сокращения мышц, укрепили её тело. Внешне она совсем перестала отличаться от спящего человека. Возникло такое чувство, будто оклики её, и она повернётся.

В одно из моих ночных дежурств мне даже показалось, что она смотрит на меня, но пересматривая камеры видео наблюдения я убедился, что это игра воображения. Мы не расстраивались, ведь и не рассчитывали, что все решится, поправь мы её физическое здоровье. В здоровом теле здоровый дух. Тело снова здоровое, пора найти её дух. В конце каждой недели мы подводили краткие итоги нашей работы. Обсуждать там было особо нечего, подходило время доклада о результатах нашей работы старшим начальникам. Поэтому этим вечером у нас было, о чем поговорить и обсудить.

– Я, как лечащий врач уже три года, ещё никогда не видела её такой живой и полной сил.

– Это верно, современная медицина творит чудеса в физиологии человека, но на настоящее чудо способен только сам человек. Если я доложу, что она совершенно здорова и отправлю им все результаты анализов, они ответят, что нам было сказано её не лечить, а вернуть.

– Если они придут сюда, то сами увидят явные изменения. Можем сказать, что она сейчас спит, ведь разницы- то нет. Как они догадаются. Решил я немного разрядить обстановку.

– Спит она, это и так понятно, что не бодрствует, спит, спит... Приборы тоже говорят, что просто спит. Но в чем разница человека в коме и спящего человека? После этого вопроса возникло короткое молчание, которое прервал я:

– В скандинавской мифологии говорится, что сон- это маленькая смерть. Ведь во сне так же тело живое, а сознания нет. Оно иногда появляется во сне, но сон – это тоже не наш реальный мир, так что эти понятия весьма сравнимы с научной точки зрения.

– Профессор привычным жестом побарабанил пальцами по столу и сказал:

– Мало данных, у нас все ещё мало данных для качественного сравнения спящего человека с человеком в коме.

– Кто хочет поспать? – спросила Елена с полуулыбкой. Интересно, почему их взгляды опять сомкнулись на мне.

Просто спи, что тут сложного, но вы попробуйте уснуть, когда на вас навешано столько приборов, словно вы в космос лететь собрались. Всё то оборудование, что было на Ласке, теперь красовалось на мне, а рядом с её голограммой формировалась моя. Я понимал, что нужно скорее уснуть, ведь к утру нам нужно закончить доклад, но сон никак не шёл. Вдруг мне на глаза попала её фотография, та самая, где жила её память. На душе сразу стало так тепло, хотя нет, это по венам пошло приятное тепло. Куратор вколол мне снотворное, вот старый пень. Фотография смотрела на меня, точнее я на неё, ведь как фото может смотреть. Наконец в моей голове раздался такой приятный и забытый голосок моей Ласки, и я ответил ей:

– Привет, Ласка...

Глава 8

Уже битый час профессор сидел, глядя в голограммы и мониторы. Как же устроена система управления организмом, как устроен этот «пульт управления» телом человека. Из-за каких сбоях в устройстве организма людей парализует или возникает паралич некоторых его

конечностей. Если проводить аналогию с электроникой, связь с прибором пропадает, когда нет контакта. Перегорел или повреждён провод. В теле человека вместо проводов по всему телу протянуты нервные окончания. Из голограммы видно, как во время движения тела Дмитрия по его нервным окончаниям, которыми пронизано тело, всегда проходят энергетические импульсы. Данная энергия подобна электрическому току, но все же она совсем другая. Долгое время Владимир бился над проблемой, где они начинаются и что формирует эти потоки энергии управления телом человека. В некоторых случаях они формировались в спинном мозге, других- возле основания стержня головного мозга.

Сравнивая нервные импульсы, движущиеся в теле спящего интерна и объекта исследования, получалась полная неразбериха.

– Ну что, проф, без ста грамм тут не разберёшься? – сказала доктор, усаживаясь рядом. Профессор усмехнулся, но промолчал.

– Почему компьютер проецирует бегущие по всему телу интерна импульсы различными цветами, некоторые из них просто белые, некоторые зелёные, есть синие и самые редкие были золотого цвета. У Елизаветы же, в основании стержня головного мозга импульсов не было. В то же время у нее, как и у Дмитрия, из спинного мозга выходили белые потоки энергии и расползались по всему телу.

– Смею предположить, что спинной мозг отвечает за базовые, примитивные функции управления, что действуют как бы без управления головного. Такие как биение сердца, обмен веществ и другие вегетативные функции. Компьютер окрасил их в белый цвет, так как они действуют по заданному алгоритму и менее насыщены что ли... – сказал проф, показывая эти сигналы ручкой на голограмме. Он, как нейрохирург, был знаком с устройством нервной системы человека.

Однажды он участвовал в создании экспериментального компьютера, в котором вместо металлических проводников, таких как медь, золото или платина, конструкторы использовали человеческие нервы. Скорость передачи информации многократно возросла, вот только нервы вскоре умерли и потеряли свои свойства передачи информации.

– Елена, не могли бы вы поговорить с ними?

– К чему это, профессор, они ведь спят.

– Любопытство- ответил профессор. Елена пошла к двум лежавшим людям и начала по очереди с ними разговаривать. Куратор внимательно смотрел на реакцию всех устройств вывода сигналов реакции обоих людей. Электроэнцефалограмма показывала хорошую активность мозга на речь доктора, следовательно, мозг и в бессознательном состоянии реагирует на голосовые команды. Из этого можно сделать вывод, что человек в любом состоянии слышит все, что происходит вокруг, но «слЫшать» и «слУшать» разные вещи. Ведь мы, даже когда в бодрствовании слышим людей, но, погрузившись в свои мысли, не слушаем их, потом понимаем, что нам только что что-то сказали и просим повторить. Какие же волны и сигналы излучает мозг, когда работает сознание?

– Нам все ещё недостаточно данных. Для анализа мозговых импульсов, посылаемых сознанием, необходимо подключить аппаратуру к человеку, находящемуся в сознании.

– Док, вы не могли бы оказать нам услугу и подключиться к свободному картирователю мозга. Мне необходимо взглянуть на активность нейронов человека, находящегося в сознании, – попросил профессор.

Доктор была крайне недовольна необходимостью цеплять на себя не знакомое оборудование, но она не могла не согласиться с доводами профессора. Поэтому она лишь молча встала со своего рабочего места и кивком показала, что готова. Обе медицинские кушетки были заняты. Поэтому они вместе перенесли одну из их кроватей в рабочую зону. Не прошло и десяти минут, как Елена была подключена к аппаратуре, а проректор уже вырисовывал её трехмерную голограмму рядом с двумя предыдущими. Великолепное зрелище, потоки

энергии мерцали по нервным окончаниям всего человеческого тела Лены. Она сияла, словно новогодняя елка, увешанная разноцветными гирляндами. По команде профессора она двигала разными частями тела, а те, в свою очередь, наполнялись синеватым свечением. Профессор много раз пересматривал движение энергетических импульсов, они были так быстры. В сто-кратном замедлении он выяснил, что сигнал зарождается в основании участка левой покрывки мозга ствола головного мозга. После, управляемое сознанием, голубенькое сияние движется в мышцы через нервные окончания, которыми пронизано все тело.

После выполнения движения, импульс автоматически возвращается в правую покрывку основания ствола головного мозга, так же неся в себе какую-либо информацию. Любопытный факт, органы, управляемые вегетативной системой, такие как сердце, почки или желудок, управляются автономно спинным мозгом, и эти импульсы управления имеют белый цвет, свидетельствующий о том, что управление идёт без участия сознания, так как осознанный импульс светиться голубым цветом. Поразительно, какая сложная система управления.

При многократном увеличении места зарождения голубоватых импульсов, характерных при выполнении осознанных действий человека, стало ясно, что голубые импульсы первоначально генерируется некими нервными корнями, крупные отростки которых проникают в кольцевые слои, находящиеся вокруг ствола головного мозга. Но дальше первого слоя не прорастают. Участок мозга, находящийся под кольцами, профессор для себя обозвал «место локализации души». У Елены было около тридцати таких слоев, у Дмитрия проф насчитал лишь двадцать восемь, у Лизы всего пятнадцать. Но нервные окончания, что прорастают из «места локализации души»; проникли лишь в первый слой. Глядя на это место у Ласки, профессор наконец обнаружил первое явное отличие, так называемые «отростки души», так назвал он корни, прорастающие из основания стержня головного мозга. У Ласки они были повреждены и не проникли даже в первый наружный слой стержня мозга. Именно эта травма головного мозга и оказалась причиной комы этой девушки.

Вдруг у нее появился слабенький синий огонёк в месте локализации души. Но так как отростки души были повреждены, её сознание не могло проникнуть за его пределы и попасть в первый кольцевой слой, которых у неё было пятнадцать. Интересно, до того, как его интерн не уснул рядом с объектом исследования, голубоватого сияния у неё не наблюдалось, значит, он как-то влияет на её сознание.

– Вот об этом я и подозревал, показался его козырь, помогающий в нашем деле. Наконец проф выявил золотые нити, тянущиеся от Дмитрия к Ласке. Вот они. У Елены таких импульсов нет. Что же это за импульсы, что зажигают голубой огонёк Ласки. Тот горит, но трепыхается словно горящая свеча на ветру, и лишь золотые импульсы Дмитрия ослабли, свеча сознания Ласки потухала. Как, черт возьми, заставить корни души вновь ожить и пропускать импульсы...

Ритмичное постукивание пальцами по столу стало более нервным...

Глава 9

Что из себя представляет личность человека? Почему мы те, кто мы есть? Почему один и тот же человек, попадая в одну и ту же ситуацию, но в разные промежутки своей жизни, порой принимает противоположный выбор? Какие процессы происходят у нас в голове, когда мы стоим на перепутье? На чем основываются наши решения?

Большинство мальчишек обожает играть в «войнушку», бегать по улице с игрушечными автоматами, стрелять друг в друга пулями, а после попадания радостно кричать: «Я попал, ты убит». В подростковом возрасте они мечтают попасть на войну и видят себя доблестными героями, спасающими мир. Если взглянуть на этих ребят лет через десять, некоторые из них так же будут не прочь повоевать в страйкбольном клубе либо в компьютерной игре, другие же и разговаривать на эту тему не станут.

Так почему же так похожие в юности личности в зрелости могут кардинально отличаться друг от друга. Ответ прост. Их меняют события, что они пережили, то, что после этого отложилось в их памяти. Личность состоит из своих воспоминаний. Именно анализируя свою память и опыт прошлых лет, мы принимаем решения. Именно поэтому люди часто расходятся во мнениях, ведь у каждого свой опыт, свои воспоминания. Что будет с личностью если у неё забрать все воспоминания? Правильно, личность пропадёт вместе с ними и впоследствии накопления нового жизненного опыта сформируется новая личность. Тогда что будет в случае, если человеку добавить воспоминание другого человека? Логика говорит нам, что он станет умнее, опытнее. А как будет на практике?

Последнее, что я помнил, засыпая от снотворного, вколотого мне куратором, это голос моей Ласки. Осознал себя в просторной и уютной девичьей комнате. Мы сидели рядом друг с другом. Ласка была совсем другая. Я привык её видеть двадцати пяти летней девушкой, сейчас же со мной находилась девочка лет шестнадцати, и конечно это была её память.

– Как тебе моя комната? – спросила Ласка, смущённо теребя свою юбку.

Комната была большая, светло-розовые обои с узорами в виде цветов. Гардины и шторы светлого цвета с кружевами и бантами. Кремового цвета мебель, на просторной кровати из белого дерева розовое постельное бельё. Шкафы заставлены книжками и мягкими игрушками. На подоконнике в горшочках стоят цветы, а за окном темнота. Стиль «Прованс» бесмертен для девочек любого возраста.

– Красивая у тебя комната, -ответил я ей, разглядывая обстановку.

– Раньше ты мог меня слышать, а теперь и видеть. Здорово.

– Я рада, что теперь ты будешь заходить в гости, -сказала Ласка, улыбаясь.

Возможно, я попал сюда, соединившись с её памятью и уснув при этом в реальном мире. Значит наше сознание может существовать и вне нашего тела. Любопытный факт.

– Вот значит, где живёт память людей. Ты создала свой уголок, получая информацию от твоей хозяйки.

– Да, то место, что нравится Лизе, и есть моя комната в её воспоминаниях. А все эти книги – это история её жизни. Уничтожить книгу и пропадёт часть её памяти. Можешь взять и посмотреть любую из них, только прошу, будь аккуратен с её воспоминаниями.

Я прошёлся по её комнате, осматривая толстые книги. Внизу стояли старенькие с потертыми обложка, выше- более свежие, взял одну из книг, что стояла повыше и выглядела более свежей, с надписью «двадцать лет», сел обратно к Ласке. Мы принялись листать странички её жизни. Триста шестьдесят пять страниц в каждой книге, странички были с яркими живыми изображениями, что двигались и показывали сюжеты из её жизни.

Вот Лиза идёт по улице с подругами, улыбаясь и о чем-то разговаривая, а вот она уже дома с мамой поливает цветы. Окинув взглядом все эти книги, понимаешь, что именно это и есть Ласка. Это её жизнь, её года, её богатство. Наконец Ласка подвела меня к окну и начала свой рассказ:

– Раньше из этого окна шёл яркий, голубой свет, он светился очень ярко и пронизывал собой все книги, а иногда он дарил мне крылья, и я порхала, словно бабочка, светясь от счастья. Это были мгновения радости в её жизни. Я радовалась вместе с ней, бывали моменты грусти и печали, но мы вместе проходили через это. Однажды моя комната содрогнулась, книги попадали с полок, голубоватый свет перестал литься в мою комнату. После этого книги перестали появляться на моих полках, так я поняла, что хозяйка пропала. С того момента прошло много времени.

Слушая её рассказ, я понимал, что здесь произошло, взглянув на единственную дверь в её комнате, я спросил её, что там. Ласка сказала, что никогда там не была, но уверена, что там другая комната с книгами. Другими, не её книгами.

– Откуда ты знаешь, что там другие книги?

– Я помню это. Как только я появилась на свет, дверь в ту комнату как раз закрывалась, а я из любопытства посмотрела одним глазком.

– Вот оно что, ясно, -ответил я, пытаюсь осмыслить услышанное. Так мы сидели и разговаривали ещё неизвестно сколько времени. В этом месте время вообще субъективное понятие. Прошел час или минута, не поймёшь, пока не проснёшься.

Вскоре голос Ласки стал неразборчив, все стало туманным и расплывчатым. Наконец я проснулся. Все так же весь облепленный датчиками. Елена с куратором возбуждено что-то обсуждали постоянно, жестикулируя руками. Это хорошо, значит что-то обнаружили. Отцепив от себя датчики, направился в их сторону. Они были уставшие и довольные. Часы показывали четыре часа утра.

– Можешь собой гордиться, мы выявили проблему отсутствия сознания! -сказал профессор с восторженным лицом. Он поведал мне все о месте «локализации души» и о «корнях души». Показал видео с изображением разноцветных импульсов головного мозга и, наконец, показал цвет, присущий сознанию. Цвет сознания, звучит красиво. В ту ночь было получено множество ответов, что породило за собой ещё больше вопросов.

Под утро мы закончили доклад. О моем небольшом путешествии и встрече с памятью Ласки я решил умолчать, хотя Полиновский не раз просил меня вспомнить хоть что-то и что за золотые импульсы я посылал в сторону Ласки. На что я просто отговаривался, что ничего не помню, что я просто спал.

Высшее руководство министерства образования после ознакомления с результатами нашей работы было довольно. Важный голос из телефонной трубки сообщил:

– Полиновский, если ты и твоя группа найдёте ответы на все вопросы, получите Нобелевскую, удачи...

Глава 10

Я люблю тебя. Как много в этом слове. Я люблю тебя, опять она порхает. ЛЮБЛЮ тебя, вот пропуск в её сердце. Люблю тебя, вот что она знает. Как попасть в душу человеку. Как получить пропуск в её память. Либо ты, либо она, но без люблю никак, а лучше любить вместе.

Медицинская лаборатория буквально кипела в работе. День за днём велись различные опыты и эксперименты. После тщательного анализа стало ясно, что сильные эмоции

порождают золотые мозговые импульсы, которые способны существовать даже за пределом тела человека. Они, как фибры души, способны путешествовать в пространстве и находить своего героя, свою любовь, свою возлюбленную. Сила любви – это не просто красивое название. Сегодня для нас открылась великая вселенская тайна о том, что любовь действительно способна творить чудеса. Она поражает великую, бесконечную, через все проникающую энергию, что имеет цвет золота.

Когда Владимир увидел эти волны, выходящие за пределы человека, он был в шоке, но научная закалка заставила его действовать здраво и изучить их всеми доступными ему ресурсами. Конечно, он признал, что сканировать и после дублировать энергию любви человечеству пока рановато, не те технологии. При воспроизведении волн у него лишь получилось увидеть жалкий ржавый импульс, но и это было достижение. Осталось его многократно увеличить. Ведь как у нас в стране принято. Не тянем в качестве, возьмём количеством.

Мы с Леной ужинали, азарт от успеха прошел, за эти дни работы на нас снова навалилась усталость. Куратор работал, словно одержимый, прерываясь лишь на короткий сон, приём пищи он так же производил прямо на рабочем месте. Нам даже не приходилось составлять график дежурств, так как он все равно перестал покидать лабораторию.

– Он напоминает фанатика, – сказала Лена, кивая в сторону профессора.

– Согласен с тобой. После открытия импульсов сознания он изменился, – ответил ей я. Куратора и правда было не узнать. Тот похудел килограмм на десять. Впалые красные глаза, не бритое лицо, цепкий, бегающий взгляд. От того статного, важного мужчины мало что осталось. Конечно, целеустремлённость – это хорошо, но и про себя нельзя забывать.

– Когда он последний раз был в душе? – спросила Лена.

– Я не подсматриваю за мужчинами в душевой комнате, – ответил я с лёгкой ухмылкой.

– А за девушками, значит, подсматриваешь?

– Я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду?

– Что имею, то и веду! – сказал я, и мы в голос рассмеялись. Когда тяжело, лучше всего помогает лёгкий юмор. За это время мы неплохо сдружились и подкалывали друг друга при первой же возможности. Если раньше мы работали одной командой, то теперь проф замкнулся в себе, а мы с Леной начали все делать в тандеме. Вот и сегодня вечером мы вместе закончили нашу работу и пошли домой.

– Владимир Викторович, мы пошли, вы остаётесь? – спросил я, одевая зимнюю куртку. Январские морозы никак не утихали. Тот лишь кивнул в ответ, и мы вдвоём вышли из лаборатории. Госпиталь работал в штатном режиме, в столь позднее время на работе оставалась лишь дежурная смена. Длинные, пустые, слабо освещённые коридоры. Потом холодные тёмные улицы, маршрутное такси. Сегодня я провожал её домой. Подойдя к её дому, я вдруг понял, что не хочу с ней расставаться. Она, скорее всего, тоже, ведь Лена стояла со мной, решив пока не заходить в дом. На улице было холодно, поэтому мы прижалась друг к другу, чисто по-дружески не более, границы мы знали и никогда не переступали черту.

– Чем ты займешься после интернатуры?

– Не задумывался ещё, сначала мы должны завершить наш проект.

– Ну да, Ласка всегда была важна для тебя.

Что мне сказать ей, она права, Ласка важна для меня, хоть я с ней и не знаком.

– Не знаю, как это объяснить, что-то меня к ней тянет...

– Быть может, ты её любишь? – спросила она, опустив глаза.

– Разве бывает любовь к человеку, которого совсем не знаешь. Просто я хочу помочь ей.

– Нет, тут что-то большее, чем просто помощь.

– Дима, я знаю, что ты к ней не равнодушен, – сказала она, не поднимая глаз.

– Ты мне подруга, я всегда тебе помогу, – сказал я, прижав девушку к себе.

– Не хочешь зайти? Выпить кофе.

– Только если покажешь мне свои фотографии, – ответил я, не задумываясь.

Мы поднимались по лестнице. Елена жила в своём частном двухэтажном доме.

– Что-то маловато людей для такого дома, неужели ты живёшь здесь одна?

– С началом проекта сына забрала на время мама, а мой муж... не будем о нем. Так что да, сейчас я живу одна.

Что-то разговор зашёл не туда.

– Извини, – сказал я и замолчал.

Наконец в моих руках оказалась горячая кружка кофе, а на стеклянном журнальном столике несколько фотоальбомов. Разглядывая фотографии, непроизвольно начал улыбаться. Вот тут она ещё совсем малышка, гуляющая с мамой в парке, а здесь уже первоклашка. Мне всегда нравилось смотреть на фото других людей, они помогают понять человека.

– Первый раз в первый класс, я тогда ужасно нервничала, это даже по фото видно.

– Фотографии могут многое рассказать о человеке, уж я-то знаю, – сказал я, пытаюсь услышать её память. Мы листали её фотоальбомы, было много забавных и смешных фотографий.

– Можешь показать свое любимое фото? Лена кивнула и принесла фоторамку, стоящую в другой комнате. С фотографии на меня смотрела двадцатипятилетняя девушка в белом

халате, её обнимал красивый парень. Сразу стало ясно, что это её муж. Высокой, крепкий, черноволосый, с широкими плечами, её мужчина выглядит как эталон мужественности.

– Я только закончила медицинский, мой муж был горд за меня. Это была моя последняя фотография, сделанная с ним. Потом его не стало... Её глаза заблестели, она отвернула лицо, но одна слезинка предательски сорвалась с её глаз, блеснув в свете настольной лампы, отражая её свет. Опять я напомнил ей печальные события в её жизни. Вечер не задался. Лучше буду молчать.

– Хозяйка потеряла любимого мужчину, это больно, знаешь ли. Раздался девичий голосок в моей голове. Любимые фото и сильные эмоции открыли к ней ворота. Начался мысленный диалог:

– У хозяйки давно не добавлялось хороших воспоминаний, только грусть и тоска наполняют её внутренний мир. Только благодаря сыну она ещё иногда улыбается, а я на время обретаю крылья счастья.

– Я постараюсь, чтобы ты летала на них чаще, подскажи, как её порадовать.

– Всё просто, она должна чувствовать, что нужна, чувствовать заботу, она хочет быть слабой девушкой. Так что, сможешь мне с крыльями?

– Сделаю все, что в моих силах. После этих слов её память в моей голове удовлетворённости замолчала.

В этот момент Лена наконец повернулась ко мне, на её лице больше не было следов печали. Я смотрел на неё... И сказал:

– Ты умница, мы справимся, все будет хорошо...

Почему-то после этих простых слов я чувствовал «порхание бабочек в животе», теперь я знаю, что это моя память на время обрела крылья, порожденные моей добротой и летает в радостях приятных эмоций, а в моей голове раздался далёкий, радостный девичий голосок её памяти:

– Спасибо... За крылья, только дари их нам почаще.

Оказывается, как мало надо человеку, всего лишь добрые слова, сказанные в нужный момент. Люди, не жалейте похвалы для близких. А она потом к вам обязательно вернется.

Глава 11

Часть 2

В просторной комнате маленькой девочки Ласки что-то изменилось, за окном стало чуточку светлее. Свет в окне, надежда в сердце. Лишь ощущение лёгкой тревоги поселилось в памяти, тревоги и надежды, что умирает последней...

Придя сегодня в лабораторию, я как обычно начал отсоединять датчики и приборы от объекта исследования, в то время как Лена обтирала её. Все было хорошо, но моё внимание привлекли два новых генератора импульса, что своими выводами были закреплены в нижней части её затылочной области. Установив все на место, позже решил поинтересоваться у куратора, что это за «Ноу Хау». Владимир Викторович обнаружился на том же месте, где мы его вчера и оставили. Разве что поменялось положение его тела, он уснул прямо на клавиатуре своего компьютера. Подойдя к нему и растолкав его, пытался уговорить его пойти домой и привести себя в порядок. На моё предложение тот лишь фыркнул, сказав что-то в роде «Наука не будет ждать» и с диким азартом принялся рассматривать проекцию головного мозга девушки, а именно области локализации её души.

– Вот оно! – крикнул он с торжественным видом. Мы с Леной приблизились к нему поближе и попросили показать, что он имеет в виду.

– Смотрите на корни души! – подсказал он с самодовольным видом. Под двухсот кратным увеличением была чётко видна область души. Вокруг неё все также пятнадцать колец слоев. У нас отростки души проникают в первый слой, у Ласки же отростки были так слабы,

что не попадали даже в первый слой. Как было выяснено нами ранее, именно из-за этого она и впала в кому. Её душа потеряла контакт с первым кольцом мозга. Сейчас же её корни стали крепче и практически проникли в первый слой колец сознания.

Безусловно, то, что выяснил проф, было нашим прорывом. Возможно, в ближайшее время у нас могут появиться результаты нашей работы.

– Что вы сделали профессор, как выяснили это? – спросила Лена. Профессор начал свой восторженный ответ:

– Если она очнется, это будет доказательством моей теории, а за неё наша группа, под руководством блистательного профессора Полиновского потянет на Нобелевскую,

давайте я поясню. В тот момент, когда Дмитрий уснул, их сознания соединились очень редкими золотыми импульсами. После этого я заметил, как в стержне мозга объекта появилось слабое голубое мерцание. Сделанные ранее опыты, говорят нам, что голубые

импульсы присутствуют при наличии сознания. Вывод: золотые импульсы провоцируют стимуляцию сознания. Мне удалось частично изучить природу золотых импульсов и сгенерировать их. Для этого мне понадобился генератор ионизирующего излучения, который как раз оказался у меня на столе. Немного поменяв природу ионов, у меня получилась похожая волновая структура. Многократно его усилив при помощи цепи трансформаторов, я получил плотную волну. Она и испускается теми выводами, что подключены под затылочной частью её головы. За одну ночь произошли изменения, что вы видите на голограмме. Активировался рост корней ее души.

С куратором нельзя не согласиться, все, что он говорит, логично, риск оправдан. Ведь самое худшее, что может случиться, это парализованное тело, живущее как растение, умрёт окончательно. Зато теперь появилась надежда. Надо поговорить с Лаской.

Со стороны это выглядело как я подошёл к ней, взял её фото и сел рядом. По факту же я стучался в её память. Ответ пришёл не сразу, голос был встревожен и счастлив:

– Тут что-то поменялось, я ощущаю хозяйку, свет почти проник в окно.

– Значит, мы на правильном пути, я буду позже, смотри на все детали и все запоминай.

– Конечно, я запомню, я же память. После разговора с Лаской я вернулся к команде.

Вдруг у профессора зазвонил телефон.

– Але, -ответил он коротко и ясно. А после этого долго молчал и слушал, что ему говорят. Лишь изредка отвечал короткими репликами. Повесив трубку, он наконец сказал нам, что случилось:

– Заместитель министра завтра будет здесь, всем привести себя в порядок и прибраться.

Если к вечеру она не очнется, я вдвое увеличу генерацию роста «корней души».

Весь день мы готовились к встрече первых лиц медицины. Все это время я поглядывал на Ласку, вдруг она очнется или повернётся. Движений не было, они нам так нужны. Под вечер к нам вернулся проф. Подстрижен, гладко выбрит, полон сил, в дорогом деловом костюме, поверх которого надет сверкающий белизной новый халат.

– Госпиталь тоже пришлось немного подготовить к приезду делегации. Ну, что у нас здесь?

– Мы готовы куратор.

– По порядку вижу, да готовы, что с объектом?

– Мониторы и голограммы показывают явный прогресс, но нервные окончания до сих пор не пробились в первое кольцо головного мозга, -ответил я.

– Значит, ее душа все ещё не взяла контроль над телом, и сознание не может проникнуть. Что-то мне подсказывает, что я должен утроить стимуляцию.

Мы не стали возражать, наша работа и так затянулась на четыре месяца, хотелось поскорее с этим разобраться, тем более, когда знаешь, как. Профессор подошёл к своему рабо-

чему месту, задал программу на трехкратное увеличение генерации и повернул ручку реостата по часовой стрелке до упора.

– Теперь осталось только ждать, либо пан, либо пропал...

Этой ночью мы так и не смогли нормально уснуть. Редкий, обрывочный сон, и сразу взгляд на Ласку, а позже на голограмму. Часть корней практически пробилась за оболочку первого кольца, надеюсь, мы успеем. Утренний кофебрейк провели в молчании. Помимо чашечки кофе, в рот больше ничего не лезло. Мы привели свой внешний вид в порядок. Около девяти утра дежурный сообщил профессору о прибытии первых лиц.

– Неужели не успели... С этими словами профессор вышел во двор госпиталя, чтобы встречать их совместно с начальником.

Мы сидели в абсолютной тишине. Ласка лежала, как и всегда. Такая живая и такая мертвая одновременно. Странное описание, одновременно и жив, и мёртв. Самое подходящее слово «не мертв». Приборы показывали, как корни души обволокли первое кольцо, но так и не попали за его пределы. Я потянулся к памяти Ласки. Та почему-то не отвечала, все, что я смог сделать, это отправить мысленный послы:

– Впусти её, Ласка, открой окно, даже если страшно, иногда мы должны идти до конца...

Ответа так и не последовало. Результатов никаких не произошло. Не мертвая так и осталась не живой. Елена положила мне руки на плечи и сказала:

– Мы сделали все, что могли, не переживай, ну и что, что не успели.

В коридоре раздался шум шагов группы лиц. Наконец двери лаборатории открылись. Делегация зашла внутрь. Самый важный из них - мужчина, с блестящей лысой головой, немалых размеров животом, так по-хозяйски сел на место профессора и сказал:

– Ну что, Вова, где результаты. На что Владимир начал показывать, тыкать пальцами в голограмму и объяснять проделанную нами работу. Важные люди были, конечно, важные и, как и большинство руководителей, не отличались умом и сообразительностью, они мало что поняли из того, что проф хотел им объяснить. Вдруг со стороны прибора МРТ раздался до боли знакомый голос, что вызвал бурю чувств в моей голове. Будь я сейчас подцеплен к сканерам, то моего света, наверное, хватило бы чтобы осветить целый город, а из глаз моих покатались предательские слезы. Она спросила:

– Дима, тебя я помню, но кто эти люди? Где я?

Глава 12

Все присутствующие в комнате повернули голову в сторону этого слабого девичьего голоса. От людей раздалась звуки радости, удивления и восхищения. Ласка была в шоке от столь бурного внимания её персоне, отчего на её лице появился румянец смущения. По ней было видно, что она совершенно ничего не понимает, а вторым её вопросом было:

– Мама, где ты?

Я подбежал к Лизавете и сказал ей:

– Ты сейчас ничего не понимаешь, но скоро я тебе все объясню, ты ведь помнишь меня?

– Не помню, когда мы с тобой познакомились, но знаю, что мы с тобой знакомы, помню, как на меня ехала машина, и все. Мы ведь в больнице?

– Да, в госпитале... В этот момент со стороны делегации и профессора начались громкие обсуждения.

– Извини, я очень скоро вернусь к тебе, хорошо?

Дождавшись утвердительного кивка, я покинул её в смешанных, растерянных чувствах. В этот момент заместитель министра с кем-то разговаривал по телефону. Причём разговаривал весьма культурно и деликатно.

– Я понял вас, Александр Фёдорович, все скопируем, проверим и потом в научное

сообщество, а пресса сама прибежит. Сказав это, он положил телефон и отдал распоряжения:

– Борисыч, все копируй на мою защищенную флешку, тут все удаляй, и чтоб ни одна собака не получила их научные данные. После этих слов профессор возмущённо спросил:

– Это что это получается, вы наши труды забираете? Я среагировал оперативно, перекрывая дорогу тому Борисычу, что направлялся к нашему серверу. Краем глаза отметил, как Лена уже начала копировать данные себе на переносной жёсткий диск, кроме меня, соответственно, этого никто не заметил. А зам продолжил:

– Ну что ты, Вова, никто у тебя ничего не ворует, просто работа теперь будет продолжена на более компетентном и высоком уровне. Вы свое дело сделали, отдохните. И так приятельски похлопал его по спине.

– А что будет с ней? – спросил я, указывая на Ласку.

– Вова, научил бы ты своего подручного манерам. Но ведь это именно благодаря ему все началось, поэтому прощаю на первый раз. Ее превратить в принцессу и подготовить к пресс-конференции, текст отправлю завтра по электронке.

– И чего такие угрюмые, радоваться надо, вы все-таки герои, совершили, так сказать, прорыв в современной медицине. По кивку профессора я пропустил Борисыча к серверу. Лицо Владимира было чернее тучи. Человека предали, ведь он правда верил, что его сделают героем, вручат Нобелевскую, но похоже лавры достанутся начальству. Елена тоже выглядела расстроено. Лично мне было плевать на лавры, меня больше заботила Лиза. Что теперь с ней будет? Осталось ли у неё жильё, что она будет есть в конце концов. Как ей сказать про годы комы, про смерть матери. Ведь это опять может снести ей голову. Я посмотрел на неё издали, та была так слаба, так напугана.

После ухода важных персон лаборатория погрузилась в молчание. Нам обещали повышение, благодарности и даже премии, но каждый из нас понимал, что на наше достижение патент получит другой человек. Оглядываясь на историю, можно припомнить многие такие случаи.

– Елена Александровна, вернулся профессор к деловому начальственному тону, вам проверить физическое состояние объекта. Ну а тебе, Дмитрий, психоэмоциональное, ведь вы вроде как знакомый. С этими словами он как-то странно покосился на меня.

– Профессор, возьмите, я скопировала все данные, – сказала Лена, протягивая жёсткий диск Владимиру.

– Ваша честность, находчивость и преданность не знают границ. Я горжусь, что мы работаем в одной команде. Но вы же не думаете, что я не предвидел такой исход? Я сохранил все на своих секретных серверах, а сюда загрузил ничего не стоящую фальшивку, хрен они выведут кого из комы, сами к нам потом прибегут. С этими словами

на лице профессора растянулась кровожадная улыбка. Стало немного жутковато, все-таки он ветеран боевых действий, вдруг от усталости и предательства совсем фляга начала свистеть.

Мы с Лизой сидели на кушетке. Она наконец с помощью Елены сходила в душ, но как-то странно долго не задавала вопросы. Наконец повернулась ко мне и сказала:

– Моя мама мертва...

– Родных тоже нет...

– Сколько я лежала в больнице?

Посмотрел на неё, её лицо было ясное, серьезное, как будто она стала старше лет на десять. В глазах появилась уверенность. Поэтому я решил рассказать ей все. Мой рассказ начался с самого начала. Поведал, как её увидел, как говорил с её памятью, как мы вывели её из комы. Все время моего рассказа она не прерывала меня, не задавала вопросов.

– Я верю тебе, Дима. Практически все это я знаю, хотя и спала в это время. И что теперь, ты ждёшь моей благодарности?

Этот вопрос был резким, даже слегка выбил меня из колеи.

– Нет, я решил помочь без корыстных целей, – ответил я слегка резче чем следовало.

– Вы, наверное, собой гордитесь, великие умы, спасители человечества, помогающие людям врачи, а в душе все вы алчные, жаждущие признания, денег и власти люди. В её глазах появился вызов вперемешку с презрением. Я не мог согласиться с ней и уже хотел возмутиться её речам, как вдруг она сказала каким-то грубоватым голосом и слегка устаревшим наречием:

– Где же вы были, когда я умер заживо в концлагере фашистского отродья. Моя плоть гнила от опытов фашистских выродков, они тоже хотели открытий, травили меня ядами и потом испытывали свои противоядия. Такие же, как и вы, медики-фанатики. Больные

ублюдки, учёные хреновы, изобретатели вакцины спасения от синельной кислоты, что заливали их наши братья- коммунисты. Вы такие же, как те, что обливали меня ею и искали противоядие.

От слов Ласки, точнее от слов этого человека я попятился назад. Мои руки снесли несколько пробирок со стола. От звонка разбитого стекла на нас обратил внимание профессор.

– Что случилось? – спросила Лена, вбежав в рабочую зону, и увидела, как взбешенная и ненавидящая весь белый свет Ласка шла на меня с недобрыми намерениями. Как назло, в руки Ласке попался скальпель. Дурацкое совпадение, как он вообще там оказался. Ласка отвлеклась, увидев, как Елена с вызовом встала между мной и ею. Лиза ненадолго растеряла весь свой боевой запал. Вдруг, что-то решив для себя, двинулась на нас обоих. Но этой заминки хватило, чтоб за её спиной возник силуэт. Доля секунды потребовалось Полиновскому, чтоб вколоть той в шею шприц и ввести снотворное. Ласка, издав секундный

писк, развернулась на него. Сделала несколько решительных шагов, но тут её ноги подкосились, она упала.

– Что же вы наделали, проговорила она еле шевелящимися губами и потеряла сознание.

Сказать, что мы были в шоке, это не сказать ничего. Обмениваясь нервными взглядами, мы приковали тело объекта исследования. Не сговариваясь, подключили все датчики. Появившаяся голограмма дала нам так необходимые ответы. Корни души переросли первое кольцо и пробрались во второй слой. Её сознание перешло в память и личность человека, в котором её душа жила ранее. Компьютер сигнализировал, что корни души продолжали расти. Значит, скоро мы узнаем, кем была Ласка до того, как будучи солдатом во времена Великой Отечественной войны попала в лапы сумасшедшим палача, носящим по ошибке белые халаты.

Сегодня была открыта ещё одна тайна мироздания. Так как у объекта было всего пятнадцать колец, соответственно её душа прожила пятнадцать жизней, а мы, думая, что

корни души растут, пока мы излучаем ей в мозг стимуляторы их роста и не предполагали, что они продолжают расти и после прекращения стимулирования их роста. Дорастут ли они до пятнадцатого слоя, и что будет, когда они выйдут и его за пределы? Новые ответы порождают новые вопросы. В этом вся наука...

Интересная аналогия. У деревьев тоже есть кольца. Срубив дерево и посчитав количество его колец, мы определяем сколько дереву лет. У человека по количеству колец можно посчитать, сколько жизней он прожил. А пока мы об этом с вами размышляем, корни Ласки неумолимо приближались к третьему слою...

Глава 13

Умен ли человек, как вы считаете? Можно ответить да, ведь мы на Земле- вершина Эволюции. Мы были в космосе, исследовали океан, мы умеем любить, мы умеем изобретать, мы умеем творить. Можно ответить нет, ведь мы не умеем летать, не знаем смысл жизни, не знаем, кто нас создал, до конца не знаем, что такое сон, что такое смерть. Исследовали лишь пять процентов глубин океанов, о космосе вообще можем лишь предполагать. Так выбрались ли мы из своей безграмотности или провалились в неё из-за своего невежества?

Эту ночь мы втроём провели в лаборатории. Обсуждалось три вопроса: как остановить рост нервных окончаний из корня ствола головного мозга? Нужно ли его останавливать, ведь можно открыть завесу тайн древних цивилизаций? Как быть с пресс-конференцией? Мозговой штурм продолжался...

Зазвонил мой телефон, звонила мама. Когда я ей звонил в последний раз, уже и не вспомнить...

– Да, мам, что-то случилось? – задал я волнующий меня вопрос в первую очередь. Ведь обычно она не звонила, неужели что-то со здоровьем.

– Сынок, ты занят? Говорить можешь? Я тебя не отвлекаю? – задавала она вопросы. Вот оно воспитание, в таких мелочах человек себя и показывает. Мамы, они такие мамы.

– Я на работе, родная. Прости, что долго не звонил, у меня все хорошо, что случилось? Ты звонишь так поздно, уже ночь.

– Тревожно мне, родимый, не пишешь, не звонишь, а у меня все хорошо. Я знаю, ты занят, времени нет, вот и не звонишь.

– Мамуль, я правда занят, ты не злись, давай ложись и отдыхай, поговорим попозже. Повесил трубку, сбитый с толку. После разговора с мамой остался какой-то осадок недопонимания. Что-то было не так. Ладно, мама подождёт. Пора работать.

– Дмитрий, ложись рядом и сделай то, что ты делал в первый раз, может это что прояснит. Постарайся понять, как это работает, ведь это твои импульсы позволили нам создать стимулятор, – сказал профессор, сложив пальцы домиком возле своего подбородка.

Впервые мне было страшно подключаться к её памяти, что там сейчас происходит, кто там меня встретит. Улегся на кушетку, по венам пошло приятное, убаюкивающее тепло снотворного. На веки навалилась тяжесть. Пора, решил я для себя, взглянув на её фото, потянулся к ней.

– Как ты, моя Ласка?..

Комната все та же, и лишь распахнутое окно да оттенки голубоватого цвета туманных ветров были изменением. Где Ласка? Нашёл её я под кроватью, она дрожала от страха. Залез к ней, погладил нежно. Наконец та подняла на меня свои большие, испуганные глазки.

– Тут кто-то есть, он страшный, не шуми, – сказала Ласка.

– Но кто тут может быть, ведь это твой мирок!

– Но там его! – сказала она. И тут я понял, что не так. Та дверь, она была открыта, голубой туманный ветер, что лился из окна, он шёл туда. Так вот кого боялась Ласка. Возможно, там тот сумасшедший.

Я вылез из-под кровати, прошёл по комнате в сторону двери. Что там за дверью было?! Комната в русской избе. Греет печка, старый деревянный стол и стулья. Конечно книжный шкаф. В дальнем углу на тумбе старый граммофон. Родная комната солдата, сгинувшего в плену врага. Вот так судьба, вот это опыт для души. За что же так, к чему эти мученья. На стенах плесень и грибок, следы проникшей вглубь отравы. Такой вот отпечаток оставили палачи в его памяти. А вот и он. Лет сорока, больной, печальный и уставший. Хранитель памяти солдата. Взгляд куда-то в пол и шепчет:

– Чего явился, оконный?

– Хочу помочь вам, что мне сделать?

– В этом погребке виновник моей страшной жизни, там зло сидит, из-за которого страдал мой хозяин. Не справедливо, платить за согрешения прошлой жизни. Почему мой хозяин должен был ощутить всю боль и страдания, что предыдущий сделал другим? Осмыслив, что сказал он, я вдруг понял: солдат смотрел не в пол, а в погреб под его ногами, куда устремился голубой туман.

– Согласен, так не честно. В том погребу живёт память хозяина прошлой жизни, спросить с него ты хочешь, почему он тот, кто есть. Если спросишь, я буду рядом, как свидетель разговора. Слова мои его коснулись, тот поднял взгляд и вдруг сказал:

– Ошибся я в тебе, прости, я думал, вы из тех. После он показал мне четыре книги, написано на них было кровью «1941—1945гг». Так как в его жизни это были страшные годы, так они отразилась и на названии книг.

– С той скоростью, что ветер проникает в погреб, который явит нам душегуба. Откроется он через дня два, приходи сюда, мне честно страшно. На его слова я лишь кивнул.

Дальнейшего я разобрать не смог, слова притихли, картинка поплыла. Открыв глаза, я был спокоен. Теперь понятно, почему люди иногда страдают. С чего бы вдруг ни в чем не повинный малыш рождается больным и страдает до самой смерти от недуга.

– Дайте ему проснуться, мы будем говорить, -сказал я товарищам, открыв глаза.

Утром следующего дня заместитель министра сидел в своём кабинете, в который раз перечитывая торжественную речь, что будет говорить та больнушка, которая будет восхвалять его начальника Александра Фёдоровича и его самого. Все репортёры были оповещены, пресс конференция назначена на завтра. Взяв в руки телефон, набрал номер Полиновского.

– Вова, здравствуй, как там наши герои, уже празднуете?

– Какие ещё проблемы, -вдруг возмутился заместитель.

– Да вы там что, совсем охренели, какая к черту шизофрения, сами вы шизики обдолбанные. Я вам отправил текст. Делай что хочешь, но чтоб завтра она сказала это и выглядела счастливой. Ясно! Сказав это, заместитель бросил трубку и смачно выругался.

Все было идеально. Министр ничего не должен знать, а то можно и своей должности лишиться. Ну, ничего, если он потонет, то потянет за собою всех.

Этим же утром группа Полиновского.

– Друзья, только что звонил заместитель. Обещает снести нам головы, если объект провалит пресс конференцию. Дима, мы сможем договориться с твоим больным солдатом?

– Давайте развяжем его, если он проснётся прикованным к больничной койке, это напомним ему прошлое.

– Но ведь это опасно! -возмутилась Елена.

– Опасно, но риск оправдан, -сказал проф. Отвязали крепёжные ремни, вкололи Ласке адреналина. Ждём, наконец глаза открылись. Все наготове и напряжены, будет там Лиза, солдат или тот монстр, о котором ещё никто не знает. Кто сегодня у руля? Раздался тихий голосок:

– Привет, друзья, не бойтесь, это всего лишь я. Солдат пока в печали и не пришёл на свет сознания. Вздыхнув от облегчения, проф сказал:

– Елизавета, вы нужны нам завтра. Вы все-таки очнулась, это чудо. Наш мир безумно любит чудеса. Завтра вас представят миру, живой, здоровой и счастливой, нужны нам вы, а не солдат.

– Хорошо, я помогу вам, скажу я миру, что вам нужно, но обещайте мне одну услугу.

– Конечно, дорогая Ласка, мы сделаем как надо, – сказал я и получил в ответ:

– Дима, ты знаешь, как я там живу. Убей меня, закрой эксперимент. Легко оброненные слова той юной молодой девчонки пробили мне сердце, разбив его на части. Как может столь невинное создание говорить об этом так легко.

– Ты что, мы справимся, поможем, ты будешь жить, -затараторил я.

С глаз её сорвались слезы и, всхлипнув, она опять сказала, но с нажимом:

– Я помогаю и конец, дай слово мне, иначе я больше не покажусь на свет.

Что делать мне, я не могу, я не палач в халате. Та смотрит на меня и ждёт ответ. Я не смогу, ты дорога мне, как так можно, хотел сказать я, но сказал:

– Да будет воля твоя. Поможешь нам, и мы закончим. С этими словами мои глаза заблестели, я не смогу её убить, но это моя доля, я начал, я закончу. Отвлек от разговора звонок телефона. Определился городской незнакомый номер, и в сердце вдруг защемило.

– Але, – ответил я в тревоге.

– Годен Дмитрий Денисович? Это вы?

– Да я, вы кто?

– Я из больницы, ваша мама...

– Что она, что моя мама?! – кричал я в трубку почему-то.

– Почти пол года мы боролись с её раком. Где вы были все это время, а? С нажимом вдруг сказали мне. В сердце холод, как же так.

– Теперь все кончено, придётся вам приехать, ваша мама умерла...

Глава 14

Больно... Как же это больно, разочаровываться в себе. Всю жизнь я считал себя хорошим сыном, хорошим парнем. С уважением относился к родителям, достойно дружил с парнями, не ранил сердца девушек. Считал себя воспитанным человеком. Боль разочарования открыла мне глаза и позволила посмотреть на себя со стороны. Кто я? Лицемер! Прикрываясь учёбой и работой, позволил умереть матери. Оправдывающий свои действия помощью Ласке, не дал ей спокойно уйти, а сделал подопытной мышкой. Вот кого я видел, смотрясь на себя в зеркало.

После похорон мамы, что проходили практически одновременно с пресс конференцией Ласки, на которой соответственно не присутствовал, я перестал смотреть на себя в зеркало, ведь видел в нем эгоиста и циника. Очередная бутылка дешевого алкоголя опустела. Ничего, доставка принесёт ещё, держи карман шире. Кое-какие накопления у меня все же были. В сотый раз начал вибрировать телефон, сообщая о входящем звонке. Не став смотреть, кто там опять меня хочет, закричал с диким воплем:

– Какого черта вам всем от меня надо!!! Я со всей силы швырнул его в стену. Осколки стекла, пластика и металла разлетелись по всей комнате.

– Оставьте меня... Оставьте меня в покое..., -бормотал я себе под нос. Хорошо, что до того, как разбил телефон, успел вызвать курьера алкогольного магазина.

– Всех к черту... К черту меня самого...

В красивом праздничном платье, с огромными, счастливыми ясными глазами, цокая каблучками шла девушка. Она была безумно красива. Косметологи постарались на совесть, превратив ее в красотку со страниц журналов. Она шла, держа в руках заученный ранее текст, что передал заместитель. Выходя из КПП госпиталя в сопровождении заместителя и самого министра здравоохранения, её глазам предстало огромное количество репортёров газет и телеканалов. Микрофоны были направлены в её сторону. Она смотрела на них, но не произносила слов, что ждали люди.

– Вова, сделай так, чтоб она сказала, что велено, -прошипел стоявшему неподалёку нейрохирургу заместитель министра. Полиновский подошёл к Ласке сзади и прошептал:

«Лиза, если это все ещё ты, то послушай меня, Дмитрия нет, но я сдержу его слова, обещаю». Удовлетворившись этими словами Елизавета кивнула, потом громким и жизнерадостным голосом, с улыбкой на лице, принялась давать интервью:

– Хочу обратиться ко всей стране и выразить слова благодарности стоящим рядом со мной людям. Их бескорыстное желание спасти меня позволило произойти чуду.

Теперь каждый, кто желает спасти своих близких и вывести их из комы, может обратиться к ним за помощью. Я живой пример непосильных трудов их работы. После этого Ласка повернулась к министру и его заместителю.

– Спасибо вам, друзья. Благодаря вам я снова могу радоваться жизни. Спасибо за ваше внимание.

После речи Ласки на лицах министра и его зама растянулась самодовольная улыбка. Дело сделано, время стричь капусту с богатых толстосумов.

После этих слов Ласка пошла в сторону машины, где для неё уже была открыта дверь. Все внимание репортёров теперь было направлено на министров, присутствующие хотели получить детали их работы, и те, в свою очередь, начали рассказывать, как они, не смыкая глаз, разбирались в структуре человеческого сознания, и как оно устроено. Никто, ну почти что никто и не заметил, как Ласка не дошла до машины. Она вдруг остановилась на полпути, подвигала руками и ногами, словно пробуя ими управлять. Начала разворачиваться, её взгляд был полон ярости, на лице возникла безумная улыбка. Она набрала полную грудь воздуха, ее рот открылся, но начинающий издаваться дикий вопль, затих в эту же секунду. Так как незаметная игла с маленькой капсулой вонзилась ей в шею. В то же мгновение сотрудники оперативно уложили её в машину. Раздался рев двигателей, больше Полиновский её не видел.

Дмитрий сейчас на похоронах. Они с Леной решили не беспокоить его сегодня. Договорились позвонить ему завтра. Завтра, как и после завтра и в течение следующих двадцати дней они до него так и не дозвонились. Приезжали к нему домой, звонили в дверной звонок, но дверь так и не открывалась. Решили проследить за его квартирой, в лаборатории все равно нечем заняться.

Раздался звонок в дверь, что-то быстро сегодня работает доставка, подумал я, и не спрашивая, кто пришёл, я открыл дверь. На меня уставилось две пары удивлённых глаз. Несколько секунд молчания, мы смотрели друг на друга. Начавшаяся закрываться под моим усилием дверь наткнулась на ногу куратора, а Елена схватила меня в крепких и в то же время нежных объятьях. Моё сердце снова ощутило тёплое чувство любви и заботы. В нерешительном движении я обнял её в ответ. Как же я соскучился по ней...

Мы сидели в моей комнате. Несмотря на царивший в ней беспорядок, кучу пустых бутылок и витающий неприятный запах, мы смотрели телевизор. Была очередная трансляция интервью Ласки. Та выступила на отлично. Момент, как она садилась в автомобиль, был вырезан. Вот она идёт к машине, а вот машина уже уехала. Профессор рассказал, что произошло в тот момент. Я вдруг вспомнил свое обещание ей, рука автоматически потянулась к бутылке алкоголя, но та оказалась пуста. Так же я вспомнил свой разговор с солдатом, тот, должно быть, ждёт меня, чтобы я помог ему с разговором. Елена не отпускает мою руку ни на мгновение, а куратор начал свою поучительную историю:

– Когда я был ненамного старше тебя, я испытал подобные разочарования. Война и беспомощная медицина, на моих руках умерло великое множество раненых и растерзанных солдат. Однажды, находясь на передовой, я не мог спасти бойца. Из-за ненависти к своей беспомощности я вскрыл ему грудную клетку и прямо в окопе начал делать ему прямой массаж сердца, мои руки были по локоть в его крови. Парень выжил. Да, тогда я понял, что если не бояться, не поддаваться, а грамотно идти до конца, то мы все ещё в силах помогать людям. Сейчас есть человек, нуждающихся в нашей помощи. После увольнения, я около года провел в состоянии слабости и беспомощности, в каком сейчас ты. Однажды, ко мне пришёл тот боец, показал шрам на груди, пожал мне руку и сказал спасибо. Теперь мы протягивает тебе руку, а твоя Ласка позже скажет тебе спасибо. В руках министра она ещё нескоро обретёт покой, подумай над этим. После

этих слов он протянул мне её фото, то самое фото, взглянув на которое я зарыдал... В этот же самый момент в голове раздался полный боли и страдания девичий голос:

– Ну где ты, ведь ты обещал...

А чуть дальше я расслышал уставший мужской голос:

- Мне без тебя тоже не справиться, этот выродок в погребке хуже самого Гитлера...
– Я приду..., -ответил я. Жди меня, и я приду...

Глава 15

Я стоял в душе и смывал с себя всю накопившуюся грязь. Пора взять себя в руки и стать мужчиной. Наверно именно сейчас из подростка перерастаю в мужчину. Некоторые взрослеют раньше, некоторые позже. Что определяет, юнец ты или зрелый, состоявшийся по жизни мужчина? Именно события, которые он пережил, именно то, что накопилось в его памяти, именно его личный опыт. Всем нам хочется подольше смотреть на мир через розовые очки юношества. Кому-то удаётся их носить дольше, другие в раннем возрасте понимают, что мир – это достаточно жестокое место. Осознав тот факт, что за место под солнцем надо бороться, а за близких придётся драться, за потерю родных придётся страдать, подросток становится мужчиной. Будешь безвольным слабаком или сильной личностью, в конечном итоге решаешь только ты. Это то малое, что разрешено человеку выбирать самому.

Сделав для себя выбор, в этот раз я не побоялся взглянуть на себя в зеркало. Этот взгляд мне знаком. Напоминает взгляд мёртвого солдата, что живёт в памяти Ласки. Взгляд битого жизнью мужчины. Аккуратно выбрил лицо, рассчитал волосы, одел один из своих любимых деловых костюмов. Что ж, жизнь, мы ещё посмотрим, кто кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.